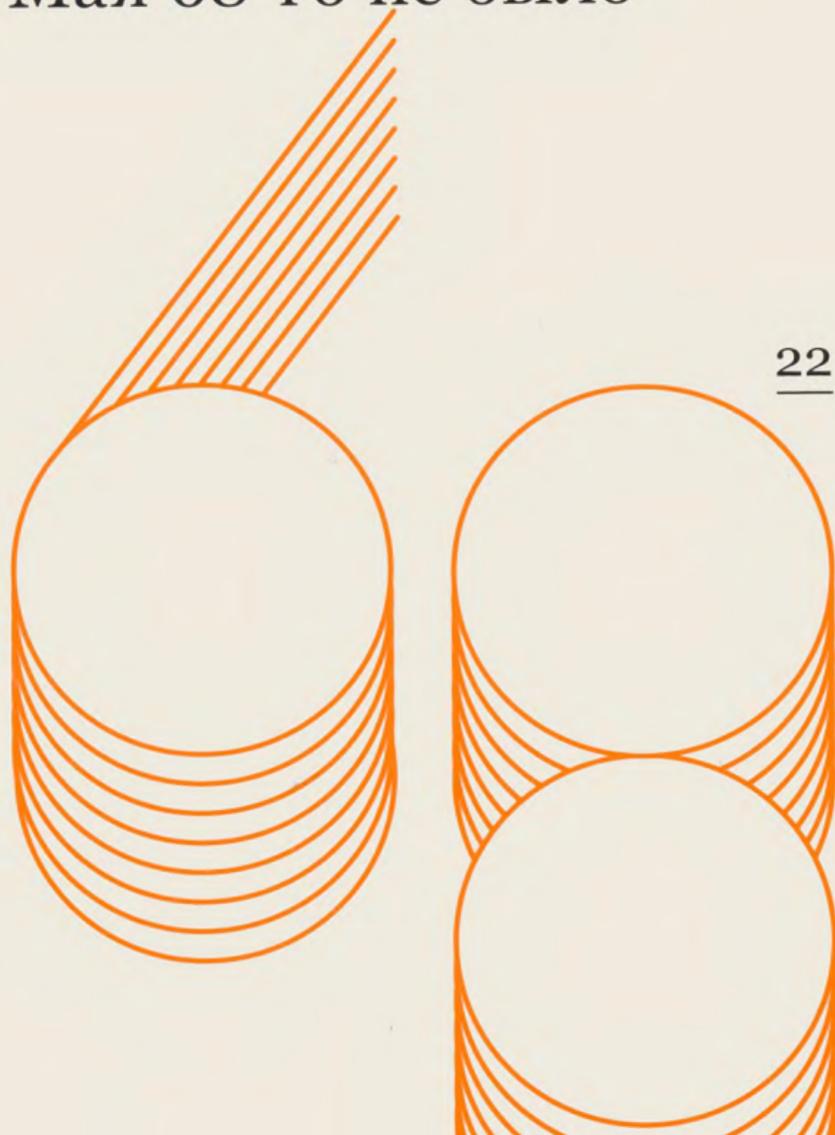

Серия Minima

Жиль Делёз

Мая 68-го не было

22

Содержание

Делёз как политический мыслитель:

«период льва» (Е. Блинов) 5

Инстинкты и институты 18

Он был моим учителем 24

Желание и удовольствие 31

Богатый еврей 48

О новых философах и более общей
проблеме 53

Возмутители спокойствия 65

Мая 68-го не было 69

Фуко и тюрьмы 74

Запутанный вопрос 87

Подлая война 89

Мы изобрели ритурунель 91

Gilles Deleuze

Mai 68 n'a pas eu lieu

«L'île déserte et autres textes»

et «Deux régimes de fous» (extraits)

Editions Minuit

Жиль Делёз

Мая 68-го не было

Тексты из сборников:

«Необитаемый остров: тексты
и беседы» и «Два вида безумия»

22

УДК 323.2(44)«1968»:[141.78:316.4](081)
ББК 66.3(4Фра),41я44+87.3(4Фра)6-786я44+87.6
Д29

Данное издание осуществлено
в рамках совместной издательской программы
Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE

Ad **M***arginem*

Перевод — Евгений Блинов
Оформление серии — ABCdesign

Д29
Делёз, Жиль

Мая 68-го не было. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. —
96 с. — (Серия minima; 22)

ISBN 978-5-91103-312-5

L'île déserte et autres textes «© Editions Minuit 2002»
Deux régimes de fous «© Editions Minuit 2003»

© Евгений Блинов, перевод, 2016

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2016

Делёз как политический мыслитель: «период льва»

Май 68-го и переход к политике

Мая 68-го не было. Его не должно было быть, потому что для него не было «условий». Точнее, они были «незаметны» с точки зрения «макро-политики»*. Пока интеллектуалы и политики тщетно искали объяснений в классовой борьбе и прочих «бинарных оппозициях», упуская из виду «молекулярный» поток желаний и убеждений, «улица корчилась безъязыкая» в поисках новых лозунгов и новых форм сопротивления. Май 68-го был «молекулярным», но при этом он был событием, а событие «порождает новый образ и новую субъективность»**. Как констатирует Делёз в 84-м году, через три года после избрания Миттерана, едва «все утряслось», о нем предпочли забыть. Вчерашние маоисты разоблачали тоталитаризм и оплакивали жертв ГУЛАГа. Но, что хуже всего, французское общество не смогло усвоить уроки 68-го и осуществить «субъективное преобразование» на уровне коллектива. Что же тогда от него осталось? Существует ли «мысль 68-го»? Не в виде публицистических клише***, а, как этого

* Deleuze G., Guattari F., *Mille Plateaux*, Paris, Minuit, p. 264.

** Deleuze G., *Deux régimes des fous. Textes et entretiens 1975–1995*. Paris, Éditions de Minuit, 2003, p. 216. *Здесь и далее — DRF.*

*** См., например, известный памфлет Алена Рено и Люка Ферри: Renault A., Ferry L., *La pensée 68*. Paris, Gallimard, 1988. Подробную историю вопроса можно найти в работе Сержа Одьё: Audier S., *La pensée anti-68*. Paris, Découverte, 2009.

требовал Делёз, как творческое решение, способное стать ответом на кризис? Эффект 68-го определенно был едва ли не главным политическим событием одного из самых плодотворных периодов в истории французской мысли.

В позднем интервью Тони Негри Делёз описывает своеобразный «политический поворот», который он, подобно многим философам своего поколения, пережил в конце 60-х – начале 70-х годов: «Что-то вроде перехода к политике, я со своей стороны совершил его вместе с маем 68-го, по мере того как сталкивался с конкретными проблемами, благодаря Гваттари, благодаря Фуко, благодаря Эли Санбару. “Анти-Эдип” целиком был книгой по политической философии»*. В другом интервью конца 80-х, посвященном выходу книги о Лейбнице, он принимает разделение своего творчества на три этапа**: исследования по истории философии 50–60-х годов («искусство портрета» от Юма до работы о Мазохе), философия различия и совместные работы с Гваттари конца 60-х – начала 80-х годов; «эстетический поворот» 80-х годов (работы о кино, живописи Бэкона, о Лейбнице). Если вспомнить триаду Ницше: «период верблюда», «период льва», «период ребенка» (эта классификация прекрасно подходит и для периодизации творчества его неизменного собеседника Фуко: «археологический» период 60-х, генеалогия власти 70-х, «герменевтика субъекта» первой половины 80-х).

* Deleuze G., *Pourparlers*, Paris, Éditions de Minuit, p. 229.

** *Ibid.*, p. 185.

Парадоксальным образом этот «период льва», или Делёз как политический мыслитель, известен в России относительно мало. Хотя во Франции или в англо-американском делёзоведении вопрос о политизации или де-политизации (которая означает в первую очередь де-гваттаризацию*) его философии является одним из ключевых. Это связано как с относительно поздним переводом «Капитализма и шизофрении» (2007 и 2010**), так и со сложным новаторским языком этих работ (и далеко не всегда очевидными решениями переводчиков, о чем см. ниже). Работы Феликса Гваттари в России не переводились вовсе, хотя они и не отличаются прозрачным стилем и также потребовали бы подробных разъяснений. Но самое главное, практически полностью отсутствует комментаторская работа и анализ контекста, без которой даже самый виртуозный перевод остается, как говорят французы, — *lettre morte* — не более чем клочком бумаги.

Формат настоящего предисловия по определению не может претендовать на то, чтобы восполнить этот пробел, однако позволяет обосновать необходимость появления небольшого сборника статей Делёза

* Ср. утверждение их биографа Франсуа Досса о том, что последняя книга, подписанная «Делёз и Гваттари» — «Что такое философия?» была в действительности написана одним Делёзом. Dosse F., Gilles Deleuze Félix Guattari. *Biographie croisée*. Paris, Découverte, 2007, p. 539.

** Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / пер. с фр. Я. Свирского. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель, 2010.

по политической и социальной проблематике. Часть из представленных в данном сборнике работ могут быть отнесены к теоретическим («Инстинкты и институты», «Желание и удовольствие», «Мая 68-го не было»), другие имеют характер политических деклараций, из разряда тех, что французы называют — *prise des positions* («Возмутители спокойствия», «Богатый еврей», «Хитросплетение», «Подлая война»). Но и в том и в другом случае мы можем проследить работу концептов при анализе конкретных политических проблем.

Во многих представленных работах так или иначе затрагивается тема «интеллектуалы и власть» (совместное интервью Делёза и Фуко, давшее название трехтомнику избранных политических работ последнего, уже публиковалось на русском языке*). Делёз всегда восхищался «клинической» точностью Фуко и его «провидческим даром», позволявшим увидеть новую проблему там, где остальные тщетно пытались использовать категории «Истины, Блага и Справедливости». Интеллектуалы подобно генералам практически всегда готовятся к войнам вчерашнего дня. При этом сам Делёз никогда не отрицал их общий с Гваттари вкус к столь презираемой Фуко «всеобщей истории», даже если эта новая история была «иронической» и «контингентной». Разве гипотеза о происхождении языка и общества в «Анти-Эдипе» не была

* Фуко М., Делёз Ж. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть / пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис. 2002. Т. 1. С.66–79.

аллюзией на великие утопии XVIII века, а конфликт различных «режимов знаков» в «Тысяче плато» не был своеобразным двигателем истории? Вопрос, на мой взгляд, заключается не только и не столько в методологических предпочтениях, сколько в применении концептов к анализу «несвоевременных» политических проблем, которые, по убеждению Делёза, составят повестку завтрашнего дня. Однажды наш век будет жить по Делёзу.

В чем заключается «функция» интеллектуала в новых условиях? Во-первых, он должен увидеть зарождение определенного процесса, недоступного остальным (например, понять предпосылки мая 68-го года как «молекулярной революции» *par excellence*). Во-вторых, он должен осмыслить его как нечто «невыносимое» (например, систематическое унижение вместо «перевоспитания» в реальных тюремных практиках). В-третьих, он должен способствовать трансформации на уровне производства субъективности (новое отношение к телу, времени, сексуальности и т. д.). Но еще важнее то, чего он делать ни в коем случае не должен. Во-первых, он не должен претендовать на то, что это видение является доступным исключительно ему эзотерическим знанием (в таком случае отсутствует критерий верификации того, что указанные изменения действительно происходят с обществом). Во-вторых, эта «невыносимость» должна быть связана с «новой чувствительностью», а не с абстрактными или «молярными» категориями «Истины» и «Справедливости», то есть проникать

в «молекулярную ткань» социальных связей. И, наконец, самое главное, он ни в коем случае не должен претендовать на то, чтобы «представлять» угнетенных или тех, кто сегодня относится к разнообразным «меньшинствам». Которые, как постоянно подчеркивает Делёз, совершенно необязательно являются «меньшинствами» в арифметическом смысле (как, например, французские женщины на рубеже 60–70-х годов), но имеют миноритарный статус по отношению к тем, кто принимает решения. Врачи не должны говорить за пациентов, учителя за учеников, тюремщики за заключенных. В этом смысле последовательная делезианская критика «репрезентации», как на онтологическом или эпистемологическом, так и на политическом уровне может быть вписана в давнюю французскую традицию критики «представительства», восходящую к Руссо.

Этот добровольный отказ интеллектуала от «представительской» функции совершенно не означает отказа от участия в политической борьбе. Делёз участвовал в созданной Фуко Группе информации о тюрьмах (отчет об этом опыте в интервью «Фуко и тюрьмы»), через Гваттари поддерживал связи с итальянскими автономистами и писал письма в защиту Негри, вместе с Эли Санбаром неоднократно высказывался в поддержку палестинских активистов (одна из этих деклараций помещена в настоящем сборнике). При этом он никогда не состоял ни во Французской коммунистической партии (в отличие от Фуко или Альтюссера и его учеников), ни в альтернатив-

ных левых партиях типа «Социализм или варварство» (в отличие от своего коллеги по Университету Венсен Лиотара). Он не был вхож в высшие круги социалистической партии, как Гваттари, бывший на короткой ноге с влиятельным министром Жаком Лангом и даже редактировавший выступления Миттерана*. При этом в начале 80-х Делёз разделял иллюзии многих интеллектуалов левых убеждений о возможности радикальных социалистических реформ в Пятой Республике. Он не пытался играть руководящей роли, следуя за своими друзьями: даже работая в вечно беспокойном «экспериментальном» Университете Венсен, он, по свидетельству Лиотара, в основном предпочитал устраняться от решений, перекладывая их на плечи коллег**. Словом, он ничем не походил на «агитатора, горлана-главаря», какими в воспоминаниях предстают его друзья и соратники Фуко или Гваттари. Но основная «функция» интеллектуала нового типа, по Делёзу, состояла не в этом, хотя она несколько не противоречила политической ангажированности. Этот вовлеченный, но никого не представляющий мыслитель первым осознает возможность изменений и создает условия для того, чтобы лишенные власти могли говорить сами за себя. Он производит новый тип высказывания о предмете, в котором теория сочетается с речью участников от первого лица: так было в случае Фуко с его исследованиями тюрем и брошюрами ГИТ, в случае «апологии» Негри, а также в случае Журнала

* Dosse, *Deleuze et Guattari*, *op. cit.*, p. 451.

** *Ibid.*, p. 419.

палестинских исследований, предоставившего слово арабским интеллектуалам*. В конечном счете именно появление подобных «многоголосых» и «трансверсальных» или не-иерархических групп, в котором интеллектуалы не играют ведущей роли, и было, с точки зрения Делёза, главным достижением мая 68-го**.

Состав сборника: как работают концепты

Большая часть статей и интервью, не вошедших в составленные самим Делёзом и опубликованные при его жизни сборники «Переговоры» (1990)*** и «Критика и Клиника» (1993)****, были собраны Давидом Лапужадом и изданы в двух томах — «Необитаемый остров: тексты и беседы» (1953–1974)***** и «Два вида безумия: тексты и беседы» (1974–1995)*****. Хотя первая известная статья Делёза была напечатана в номере журнала «Поэзия» за октябрь–ноябрь 1945 года*****, в своем завещании он запретил любые перепечатки своих

* *Revue des études palestiniennes*. Журнал издавался издательством Minuit с 1982 по 2008 год. См. также: Sanbar E., *Figures du Palestinien: Identité des origines, identité de devenir*. Paris, Gallimard, 2004.

** Deleuze, *Pourparlers*, op. cit. p. 121.

*** Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. В. Быстрова. СПб.: Наука, 2004.

**** Делёз Ж. Критика и клиника / пер. О. Волчек и С. Фокина. СПб.: Machina, 2002. G. Deleuze, *Critique et clinique*. Paris, Éditions de Minuit, 1993.

***** Deleuze G., *L'île déserte. Textes et entretiens 1954–1974*. Paris, Gallimard, 2002, p. 24–27. Далее ID.

***** DRF.

***** «Description de la femme. Pour une philosophie d'autrui sexuée», *Poésie*, № 28, oct.–nov. 1945, p. 28–39.

работ до 1953 года включительно, равно как и посмертные публикации (за исключением упомянутых в проекте библиографии, составленной в 1989 году*). В этом виде на русском языке они не издавались. В дальнейшем по согласованию с наследниками Лапужад и издательство *Minuit* отошли от этого строгого принципа, выпустив в 2015 году дополнительный том «Письма и другие тексты»**, содержащий раздел «юношеские тексты», относящиеся к 1945–1947 годам. Но для нас они не представляют существенного интереса, так как появились задолго до «поворота к политике». По этой же причине большая часть текстов взята из второго тома, хронологически относящегося к периоду 1975–1995 годов, после упомянутой самим Делёзом политической инициации.

Отбирая статьи для настоящего сборника, мы руководствовались двумя основными принципами. Во-первых, принципом функциональности: нас интересовала возможность проследить работу того или иного концепта при анализе конкретной проблемы («не что это такое, а как это работает?»). Во-вторых, и здесь можно констатировать частичный отход от собственно делезианских принципов, принципом актуальности для современного русскоязычного читателя. По этой причине был сделан выбор в пользу ближневосточной проблематики и гуманитарных ин-

* Подробнее об изначальных принципах публикации см.: ID. P. 7–9.

** Deleuze G., *Lettres et autres textes*. Paris, Éditions de Minuit, 2015. Далее — LAT.

тервенций, а не, к примеру, интервью по проблемам разоружения в Европе.

Первая и наиболее ранняя из представленных статей «Инстинкты и институты» представляет интерес как отправная точка делёзианской (или точнее — делёзо-гваттарианской) теории власти, которая будет развита в 70-е годы в «Капитализме и шизофрении». В ней можно найти констатацию вторичности государства и его аппаратов по отношению к институтам и связь последних с инстинктами (хотя эти отношения пока не носят конфликтного характера, как в «Анти-Эдипе»). Оммаж Сартру «Он был моим учителем» — раннее размышление о роли интеллектуала в обществе, где впервые сформулирована идея о добровольном отказе «частного мыслителя» от представительской функции и его роли как «визионера». Хотя, по свидетельству Мишеля Турнье, Делёз начал отдаляться от Сартра после его доклада «Экзистенциализм — это гуманизм»*, недавно переизданные ранние статьи свидетельствуют о том, что в середине 40-х годов это влияние было решающим**.

Два текста, посвященных Фуко, затрагивают важнейшие для Делёза темы. В первом — «Желание и удовольствие» — он обозначает свои расхождения с фукольдианской теорией власти, еще раз подчеркивая вторичность государственных аппаратов и ставя под сомнение позитивный характер «удовольствия»,

* См.: Tournier M., *Le vent paraclét*. Paris, Gallimard, 1978, p. 160.

** Особенно это относится к его первой статье «Описание женщины...», *LAT*, p. 253–265.

которое он склонен рассматривать, скорее, как нарушение принципа имманентности желания. Второй — «Фуко и тюрьмы» — содержит воспоминания Делёза о работе инспирированной Фуко Группы информации о тюрьмах. С его точки зрения, она была первой политической группой нового типа, в которой интеллектуалы выступали не в качестве «властителей дум» (*maîtres-penseurs*), а соучастников социального эксперимента, давшего возможность создать «новый тип высказывания о тюрьме».

Изменение роли интеллектуалов в информационном обществе — главная тема известного интервью «О новых философах и более общей проблеме». Русскоязычному читателю так называемая новая философия известна главным образом по политическим памфлетам ее вдохновителей Андре Глюксмана и Бернара-Анри Леви (в основном антисоветской и антироссийской направленности). «Более общая проблема» — это отмеченная Делёзом еще в 70-е годы тенденция к «журнализации» или медиатизации интеллектуальной жизни, а также изобретение специфического маркетинга философских книг (точнее, вытеснение книги как формата на второй план). В этом процессе важно не только и не столько изменение расклада сил между интеллектуалами и журналистами, а открытие самодостаточной мысли внутри журналистики, осознавшей способность «создавать события», и формирования политической повестки дня. «Богатый еврей» — крайне любопытное раннее свидетельство о постепенном внедрении во французские медиа

принципов политкорректности. По Делёзу, именно эта медийная «полиция высказываний» (если воспользоваться выражением Фуко) в дальнейшем станет одним из главных инструментов новой, куда более утонченной разновидности фашизма.

Мы также поместили две политические декларации, посвященные вопросам ближневосточной политики и «гуманитарных» интервенций, — «Возмутители спокойствия» и «Подлая война». В отличие от Фуко, выступавшего в поддержку Израиля, или занимавшего двусмысленную позицию Сартра, Делёз вполне определенно высказывался в поддержку палестинцев. Во-первых, именно палестинцы в арабизраильском конфликте были тем самым «народом без земли», в котором не только государство Израиль, но и все мировое сообщество видело вызов международной политике (причем ранее, как это показано на примере Кафки и еврейской общины Праги, подобным «детерриториализованным» народом и вызовом для «оседлых» наций были сами евреи). Во-вторых, в израильской интервенции в Ливан, а затем — во вторжении созданной США коалиции в Ирак, Делёз увидел «лабораторию» куда более «ужасного будущего», в котором все несогласные с новым глобальным раскладом сил будут представлены как потенциальные террористы.

Статья «Мая 68-го не было», давшая название данному сборнику, в особых представлениях не нуждается. Наконец, *last but not least*, позднее интервью «Мы изобрели ритурнель», в котором наряду

с подведением итогов («наступает старость, а вместе с ней — время говорить конкретно») Делёз дает весьма пессимистичный прогноз о развитии политической ситуации в Европе после развала социалистического лагеря, что резко контрастирует с господствовавшими тогда карнавальными настроениями, связанными с объявленным «концом истории».

Евгений Блинов

Инстинкты и институты*

То, что мы называем инстинктом, и то, что мы называем институтом, в первую очередь обозначают два способа удовлетворения. Либо, реагируя естественным образом на внешние стимулы, организм получает от внешнего мира всё необходимое для удовлетворения своих склонностей и потребностей; что приводит к формированию специфической для различных животных среды. Или же, осуществляя институционализацию особого мира, лежащего между его склонностями и внешним миром, субъект производит искусственные средства удовлетворения, которые освобождают организм от природы, подчиняя его чему-то другому, а также преобразовывают саму склонность, помещая ее в новую среду; ведь деньги действительно освобождают от голода при условии их наличия, а брак освобождает от поиска партнера, преследуя при этом совсем иные цели. Поэтому можно сказать, что всякий индивидуальный опыт предполагает в качестве *a priori* предварительное существование среды, в которой он реализуется, среды специфической или институциональной. Инстинкт и институт — это два способа организации возможного удовлетворения.

* «Введение» в: Deleuze G., *Instincts et institutions*. Paris, Hachette, 1955, p. viii–xi. Текст был опубликован в качестве предисловия к антологии в рамках коллекции «Философские тексты и документы», под редакцией Жоржа Кангилема (перевод выполнен по: Deleuze G., *L'île déserte. Textes et entretiens 1954–1974*. Paris, Gallimard, 2002, p. 24–27. Далее ID. — Примеч. пер.).

Несомненно, в институте склонность находит свое удовлетворение: сексуальность в браке, а алчность — в обладании собственностью. Нам возразят, что такой институт, как государство, не соответствует ни одной склонности. Но ясно, что подобные институты являются вторичными, что они предполагают наличие институционализированных моделей поведения и отсылают к получившейся в результате пользе чисто социального характера. В этой пользе содержится принцип, из которого выводятся отношения между социальным и склонностями. Институт всегда предстает как организованная система средств. Именно в этом заключается разница между институтом и законом: последний ограничивает действия, тогда как первый служит им положительным образцом. Вопреки правовым теориям, которые помещают позитивное за пределы социального (естественные права), а социальное отождествляют с негативным (контрактное ограничение), институциональная теория помещает негативное за пределы социального (потребности), чтобы представить общество как в основном позитивное и изобретательное (изначальные способы удовлетворения). Подобная теория наконец даст нам критерии политической оценки: тирания — это режим, в котором много законов и мало институтов, а демократия — это режим, в котором много институтов и мало законов. Угнетение проявляется, когда законы касаются непосредственно людей, а не первичных институтов, которые предоставляют им гарантии.

Но если склонность действительно находит удовлетворение при помощи института, институт не объясняется одной склонностью. Одни и те же сексуальные потребности никогда не позволят объяснить разнообразные формы брака. Негативное точно так же не объясняет позитивное, как общее — частное. Желание «возбудить аппетит» не объясняет аперитив, потому что существует тысячи других способов возбудить аппетит. Жестокость мало что проясняет относительно войны; однако именно война является наилучшим средством ее удовлетворения. Таков парадокс любого общества: мы говорим об институтах, когда сталкиваемся с процессом удовлетворения, который не пробуждает и не определяет склонность, удовлетворение которой осуществляется. Видовые характеристики позволяют их объяснить немногим лучше. Склонность удовлетворяется с помощью средств, которые от нее не зависят. Кроме того, разве она в то же время не подвергается принуждению и угнетению, преобразованию и сублимации? Если, конечно, невроз возможен. Более того, если потребность находит в институте лишь косвенное, «окольное» удовлетворение, то будет недостаточно просто сказать «институт полезен», нужно задать вопрос: для кого именно он полезен? Для всех, кто в нем нуждается? Или только для избранных (привилегированного класса), или же только для тех, кто занимается его управлением (бюрократии)? Более фундаментальная социологическая проблема заключается в том, чтобы найти иную инстанцию, от которой непосредственно зависят социальные формы удовле-

ния склонностей. Ритуалы той или иной цивилизации; средства производства? Как бы то ни было, польза для человека — это не то же самое, чем просто польза. Институт отсылает нас к социальной активности, конституирующей модели, о которых мы не имеем четкого представления, поэтому она не объясняется ни склонностью, ни пользой, так как польза для человека предполагает в первую очередь именно склонности. В этом смысле священник, человек ритуала, олицетворяет бессознательное тех, кто через него проходит.

В чем отличие инстинкта? В том, что для него нет ничего выше пользы, за исключением красоты. Склонность удовлетворяется косвенным образом за счет института и непосредственным — за счет инстинкта. Не существует ограничения или принуждения инстинктивного порядка, есть только инстинктивное отторжение. В этом случае сама склонность, как внутренний физиологический фактор, приводит в действие определенные поведенческие механизмы. Вне всякого сомнения, абсолютно идентичный внутренний фактор запускает различные модели поведения у различных видов. Но это значит, что инстинкт находится на пересечении двух видов причинности: восходящей к психологическим факторам и к собственно видовым отличиям — к гормонам и видовой специфике. Поэтому нам нужно всего лишь выяснить, в какой мере инстинкт может быть сведен к простому интересу индивида: в каком случае речь будет идти уже не об инстинкте, а о рефлексе, тропизме, привычке и интеллекте. Или же инстинкт можно понять толь-

ко в контексте пользы для определенного вида, его блага, исключительной биологической целесообразности? «Для кого это полезно?» — перед нами снова встает этот вопрос, но теперь он теряет свой смысл. С обеих точек зрения инстинкт предстает как склонность, которая запускается в организме со специфическими реакциями.

Общая проблема инстинкта и института заключается в следующем: каким образом происходит синтез склонности и объекта, который ее удовлетворяет? Вода, которую я пью, ничем не напоминает гидраты, которых не хватает моему организму. Чем совершеннее в своей области инстинкт, тем больше он относится к определенному виду, тем скорее он предстает как способность осуществить оригинальный и необратимый синтез. Но чем большему усовершенствованию он подлежит, то есть — чем более он несовершенен, тем более он подвержен изменениям, склонен к неопределенности, что позволяет свести его исключительно к игре внутренних индивидуальных факторов, тем скорее он уступает место интеллекту. В конечном счете каким образом подобный синтез, предоставляющий тенденции некий подходящий ей объект, может быть разумным, если для его осуществления необходимо время, для которого не достаточно жизни индивида, и эксперименты, которые он не переживет?

Необходимо вернуться к идее о том, что интеллект является в большей степени социальным, а не индивидуальным феноменом и что он находит в социальном промежуточную среду, иную среду, кото-

рая делает его возможным. В чем смысл социального по отношению к склонностям? Объединять различные обстоятельства в некоторую систему предвидения, а внутренние факторы — в систему, которая регулирует их проявления, заменяя собой вид. Именно так обстоит дело с институтом. Требуется наступление ночи, чтобы мы легли спать; мы едим, потому что настал полдень. Больше нет никаких социальных склонностей, а только социальные средства удовлетворения склонностей как таковых, средства, которые являются врожденными, поскольку они социальны. Всякий институт навязывает нашему телу, даже в его произвольных проявлениях, определенный набор моделей и наделяет наш интеллект знанием, возможностью предвосхищения и планирования. Мы приходим к следующему выводу: у человека нет инстинктов, он состоит из институтов. Человек — это животное, которое пытается вылезти из шкуры вида. И потом, инстинкт, в независимости от того, отвечает ли он животным потребностям, институтам или требованиям человека, преобразуется в требование получить кусок хлеба. В конечном счете проблема инстинкта в своем крайнем проявлении будет осмыслена не через «сообщества» животных, а через отношение между животным и человеком, когда требования человека относятся к животному и включают его в свои институты (тотемизм и одомашнивание) и когда потребности животного сталкиваются с человеком: чтобы убежать от него или напасть на него или же в ожидании от него пищи и покровительства.

Он был моим учителем*

Печаль поколений без «учителей». Нашими учителями являются не только штатные преподаватели, хотя мы сильно в них нуждаемся. Когда мы взрослеем, нашими учителями становятся те, кто поразил нас своей радикальной новизной, те, кто сумел изобрести новую художественную и литературную технику и нашел образ мысли, который отвечал бы требованиям нашей современности, то есть нашим заботам и нашим робким надеждам. Мы знаем, в чем заключается единственная ценность «искусства» и даже истины: в получении чего-то «из первых рук», подлинной новизне, той «негромкой мелодии», которая сопровождает высказывание. Именно так прозвучали для нас слова Сартра (поколения тех, кому было двадцать лет в эпоху Освобождения). Кто мог сказать что-то новое кроме Сартра? Кто научил нас мыслить по-новому? Сколь бы яркими и глубокими ни были работы Мерло-Понти, они оставались академическими и во многом зависели от Сартра. (Сартр намеренно отождествлял существование человека с небытием «дыры» в мире: крохотные островки ничто — говорил он. Но Мерло-Понти считал их складками, простыми складками и сморщиванием. В этом заключалось различие между жестким и пронизывающим экзистенциализмом и экзистенциализмом более умеренным и осторожным.) Камю — увы! —

* «Il a été mon maître». Впервые опубликовано в: *Arts*, 28 novembre 1964, p. 8–9. За месяц до этого Сартр отказался от Нобелевской премии (перевод выполнен по *ID*, p. 109–113).

то напыщенное целомудрие, то второсортный театр абсурда; Камю ссылался на отверженных мыслителей, но вся его философия вела нас к Лаланду и Мейерсону, которых знал каждый школьник. Новые темы, вполне определенный новый стиль, невиданная агрессивная и полемическая манера постановки проблем — все это шло от Сартра. В хаосе и отчаянии эпохи Освобождения мы снова и снова открывали для себя все: Кафку, американский роман, Гуссерля и Хайдеггера, бесконечные стычки с марксизмом, порыв к новому роману... Все это проходило через Сартра, но не только потому, что как философ он был гением обобщения, а потому, что он смог изобрести что-то новое. Первые постановки «Мух», выход «Бытия и Ничто», доклад «Экзистенциализм — это гуманизм» были настоящими событиями: благодаря им мы долгими ночами постигали тождество мысли и свободы.

В каком-то смысле «частные мыслители» являются антагонистами «штатных преподавателей». Даже Сорбонна нуждается в анти-Сорбонне, а студенты внимательно слушают своих преподавателей только тогда, когда у них есть другие учителя. В свое время Ницше перестал быть профессором, чтобы стать частным мыслителем. Сартр поступил так же, но в другом контексте и с другим исходом. У частных мыслителей есть две черты: особое одиночество, которое сопровождает их в любых обстоятельствах; а также определенное беспокойство, определенное нарушение миропорядка, в котором они появляются и в котором они выступают. Они говорят только

от своего лица, ничего не «представляя»; они призывают явить в этот мир грубое наличие, чистую мощь, которые не поддаются никакому «представлению». Уже в работе «Что такое литература?» Сартр наметил свой идеал писателя: «...Писатель возвращается к этому миру, какой он есть, — потному, вонючему, обыденному, чтобы поднести его свободным людям на основе свободы. Недостаточно гарантировать ему свободу говорить что угодно. Он должен писать для публики, которая обладает свободой все изменить. Что означает, помимо упразднения классов и уничтожения всякой диктатуры, отмену разделения на классы, непрерывное обновление кадров и свержение социального порядка, едва он начинает застывать. Одним словом, это по сути своей субъективность общества в состоянии перманентной революции»*. С самого начала Сартр считал писателя человеком, который с виду ничем не отличается от других и обращается к ним исключительно с точки зрения их свободы. Вся его философия вписывается в спекулятивное движение, которое оспаривало понятие репрезентации, даже порядка репрезентации как такового: философия сменила место обитания, покинув область суждения, чтобы обосноваться в более пестром мире «предсуждения» (*préjudicatif*) и «суб-репрезентации». Сартр только что отказался от Нобелевской премии. Практическое применение того же принципа, ужас от самой идеи практически представлять чтобы то ни

* Sartre J.-P., *Qu'est-ce que la littérature?* Paris, Gallimard, coll. Folio Essais, p. 162–163.

было, будь то духовные ценности или, как он выражается, подвергнуться институционализации.

Частный мыслитель нуждается в мире, который содержит минимальную долю беспорядка, пусть всего лишь революционной надежды, малой толики перманентной революции. У Сартра есть определенная одержимость Освобождением, не оправдавшимися в тот момент надеждами. Потребовалась Алжирская война, чтобы вернулось некое подобие политической борьбы или освободительного брожения, так как в куда более сложной ситуации, когда мы не были в собственном смысле угнетенными, а теми, кто должен был пойти против самих себя. Ах, молодость! Ей остаются только Куба и венесуэльские партизаны. Хуже одиночества частного мыслителя только одиночество тех, кто ищет учителя, кто хотел бы его иметь и смог найти его лишь в мире, утратившем покой. Нравственный порядок, порядок «репрезентации» замкнулся на нас. Даже страх перед атомной войной стал буржуазным. Иногда молодежи предлагают в качестве наставника Тейяра де Шардена. Мы имеем то, что заслуживаем. После Сартра не только Симону Вейль, но и скверную пародию на Симону Вейль. Нельзя сказать, что в современной литературе нет ничего нового. Назовем наугад: новый роман, книги Гомбровича, рассказы Клоссовски, социологию Леви-Стросса, театр Жене и Гатти, философию «неразумия», которую разрабатывает Фуко... Но сегодня нам по-настоящему не хватает именно того, что воплощал для предыдущего поколения Сартр и что он смог собрать воедино а именно — условий, необхо-

димых для тотализации: когда политика, воображаемое, сексуальность, бессознательное сочетаются в правах, которые получает тотальность человека. Сегодня мы продолжаем жить порознь. Сартр сказал о Кафке, что его произведения — это «свободная и единственная в своем роде реакция на иудео-христианский мир Центральной Европы; его романы — это комплексное преодоление его жизненной ситуации, как еврея, чеха, строптивого жениха, больного туберкулезом и т. д.»*. Но и сам Сартр, и его произведения — это реакция на буржуазный мир, который коммунизм поставил под вопрос. Они выражают преодоление его собственной ситуации буржуазного интеллектуала, выпускника Нормальной школы, свободного жениха, некрасивого человека (потому что Сартр часто описывал себя именно так)... и т. д. Всех тех вещей, что содержатся и находят отклик в развитии сюжета его книг.

Мы говорим о Сартре, как если бы он принадлежал к минувшей эпохе. Увы! Это, скорее, мы принадлежим к ней в условиях текущего морального климата с его конформизмом. Сартр по крайней мере позволяет нам неуверенно ожидать чего-то в будущем, обновления, в котором мысль преобразится и заново предстанет в своей тотальности, как сила одновременно коллективная и частная. Последняя книга Сартра «Критика диалектического разума» — одна из прекраснейших и важнейших работ, появившихся в последние годы. Она является необходимым дополнением к «Бытию и ничто», в том смысле, что коллективные по-

* Sartre, *Qu'est-ce que la littérature ?*, p. 293.

требности завершают формирование субъективности индивида. Когда мы переосмысливаем «Бытие и ничто», то именно для того, чтобы испытать удивление от этого обновления философии. Сегодня мы куда лучше понимаем, что отношение Сартра к Хайдеггеру, его зависимость от Хайдеггера были ложной проблемой, основанной на недоразумениях. То, что нас так поразило в «Бытии и Ничто», шло исключительно от Сартра и было его личным вкладом: теория нечистой совести, в которой сознание, внутри самого себя, полагалось на двоякую силу не быть тем, чем оно было, и быть не тем, чем оно являлось; теория Другого или взгляда другого, которого было достаточно, чтобы заставить мир опрокинуться и «украсть» его у меня; теория свободы, которая ограничивала сама себя, превращаясь в ситуации; экзистенциальный психоанализ, в котором мы находили основной выбор индивида в его повседневной жизни. Всякий раз сущности и конкретные примеры вступали в сложные отношения, которые прививали философии новый стиль. Официант из кафе, влюбленная девушка, некрасивый человек и особенно мой-друг-Пьер-которого-никогда-там-не-было позволяли создать настоящий роман внутри философского произведения и заставляли сущности биться в ритме их экзистенциальных примеров. Всюду блистал беспощадный синтаксис, состоящий из изломов и растяжений, напоминающий о двух предметах сартровской одержимости: озерах ничто и вязкости материи.

Отказ от Нобелевской премии — это хорошая новость. Наконец появился кто-то, кто не пытается

объяснить этот изумительный для писателя и частного мыслителя парадокс: необходимость быть представителем общественности и принимать от нее почести. Слишком часто недоброжелатели пытались указать ему на противоречия: ему приписывают чувство досады из-за того, что премию присудили слишком поздно; ему возражают, что так или иначе он что-то представляет; ему напоминают о том, что его успех в любом случае был и остается буржуазным; уверяют, что его отказ был неразумным и незрелым; ему ставят в пример тех, кто принимает — отказывая и жертвует деньги на благородные цели. Не стоит так стараться, Сартр — замечательный полемист... Нет гения, который не пародировал бы сам себя. Но какая пародия лучше? Стать смиренным старцем, кокетливым властителем дум? Или превратиться в юродивого Освобождения? Видеть себя академиком или воображать венесуэльским партизаном? Который не понимает разницу по сути, по природе гения, по духу, между этими альтернативами и двумя пародиями? Чему остается верен Сартр? Только другу Пьеру-которого-никогда-там-не-было. Предназначение этого автора в том, чтобы своими речами вносить струю свежего воздуха, даже если этим чистым воздухом, воздухом разлуки невыносимо дышать.

Желание и удовольствие*

Один из основных тезисов Н и Н** относится к диспозитивам власти. Он кажется мне крайне важным по трем причинам:

1) Как таковой и по отношению к «гошизму»: принципиальная политическая новизна этой концепции власти, в противоположность всякой теории государства.

2) По отношению к Мишелю, потому что она позволяла преодолеть дуализм дискурсивных и недискурсивных образований, который сохранялся в АЗ***, и объяснить, каким образом два различных образования распределялись и артикулировались сегмент за сегментом (при этом оставаясь несводимыми друг к другу и непохожими... и т. д.). Речь идет

* «*Désir et plaisir*». Впервые опубликовано: *Magazine littéraire*, № 325, octobre 1994, p. 59–65. Речь идет о письме, адресованном Мишелю Фуко в 1977 году после выхода «Воли к знанию». Это заметки, помеченные литерами от «А» до «Н», которые Делёз передал Фуко через Франсуа Эвальда. По свидетельству Эвальда, который поспособствовал публикации этих заметок, Делёз хотел представить Фуко заверения в своей дружбе, которая находилась в состоянии кризиса в момент публикации «Воли к знанию». Эти заметки воспроизводят текст, опубликованный в *Magazine littéraire* в слегка измененном виде (перевод выполнен по: Deleuze G., *Deux régimes des fous. Textes et entretiens 1975–1995*. Paris, Éditions de Minuit, 2003, p. 112–122. Далее — DRF).

** Н и Н — здесь и далее: Фуко М. Надзирать и Наказывать / пер. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем, 2016. Foucault M., *Surveiller et punir*. Paris, Gallimard, 1975.

*** АЗ — здесь и далее: Фуко М. Археология знания / пер. М. Раковой, А. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. Foucault M. *L'archéologie du savoir*. Paris, Gallimard, 1969.

не о том, чтобы упразднить само разделение, а о том, чтобы объяснить их соотношение.

3) Что имеет вполне определенное следствие: диспозитивы власти не используют подавление или идеологию. Из этого следует отказ от альтернативы, с которой все более или менее были согласны. Вместо подавления или идеологии, в Н и Н создается концепт нормализации и дисциплин.

Этот тезис о диспозитивах власти, как мне кажется, развивается в двух направлениях, не противоречащих друг другу, но при этом различных. В любом случае, эти диспозитивы несводимы к государственному аппарату. Но если двигаться в первом направлении, то они будут состоять из рассеянного, гетерогенного множества, из микро-диспозитивов. Если в другом, то они будут отсылать к диаграмме, к абстрактной машине, имманентной любому социальному полю (поэтому паноптизм, который определяется через свою главную функцию — видеть, оставаясь невидимым, применим ко всякому множеству). Это было похоже на два одинаково важных направления в микро-анализе, потому что второе показывало, что Мишель не ограничивался «рассеиванием».

ВЗ* в этом отношении идет дальше Н и Н. Точка зрения остается той же самой: ни подавления, ни идеологии. Но, чтобы продвигаться быстрее, диспозитивы

* ВЗ — здесь и далее: Фуко М. Воля к знанию // По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 99–267.

Foucault M., *La Volonté de savoir*. Paris, Gallimard, 1976.

власти не ограничиваются нормализацией, они пытаются стать конституирующими (сексуальность). Они больше не ограничиваются организацией знаний, они конститутивны по отношению к истине (истине власти). Они больше не обращаются к «категориям», негативным несмотря ни на что (безумию, преступности как тому, что подлежит заточению), но к категории, которая считается позитивной (сексуальности). Эта идея подтверждается в интервью Канзен, в начале пятой страницы. В этом смысле, я полагаю, что в ВЗ анализ продвинулся вперед. Опасность состоит в том, что Мишель возвращается к аналогу «конституирующего субъекта». Почему он испытывает потребность в воскрешении истины, даже если она предстает в виде нового концепта? Не один я задаюсь подобными вопросами: мне кажется, что эти два ложных вопроса непременно будут вставать до тех пор, пока Мишель их не прояснит.

Первый вопрос относится к характеру микро-анализа, который Мишель разрабатывает в Н и Н. Разница между «микро» и «макро», разумеется, не заключается в размере, в том смысле, что микро-диспозитивы относятся к малым группам (семья обладает не меньшим объемом, чем любое иное образование). Речь также не идет о внешнем дуализме, так как существуют микро-диспозитивы, имманентные государственному аппарату, а сегменты государственного аппарата, в свою очередь, проникают в микро-диспозитивы — полная симметрия двух измерений. Стоит ли это понимать в том смысле, что это различие в масштабе? Одной страницы ВЗ (VS, 132) достаточно, чтобы

отвергнуть подобную интерпретацию. Но эта страница как будто отсылает макро к стратегической модели, а микро — к тактической. Что меня несколько смущает, так как мне кажется, что микро-диспозитивы имеют у Мишеля вполне стратегическое измерение (особенно если принять в расчет пресловутую диаграмму, от которой они неотделимы). Другое направление — это «соотношения сил», как детерминирующих микро: ср. особенно интервью в Канзен*. Но, я полагаю, Мишель еще не разработал этот вопрос: его оригинальная концепция соотношений сил, то, что он называет соотношением сил, должно быть столь же новым концептом, как и все остальное.

В любом случае есть существенная разница или гетерогенность между микро и макро. Что совершенно не исключает их имманентности. Но мой вопрос заключается в следующем: эта существенная разница, позволяет ли она нам по-прежнему говорить о диспозитивах власти? Понятие государства неприменимо к микро-анализу, так как Мишель утверждает, что речь не идет о миниатюризации государства. Но если понятие власти к нему применимо, то не является ли оно, в свою очередь, миниатюризацией некоего общего концепта?

Этим объясняется мое первое расхождение с Мишелем на данный момент. Если я вместе с Феликсом Гваттари говорю об устройстве (*agencement*) жела-

* «Les rapports de pouvoir passent à l'intérieur des corps» (беседа с Л.Фина), *La Quinzaine littéraire*, no 247, 1er – 15 janvier 1977, pp. 4–6. Воспроизведено в: *Dits et Ecrits*, III, №197, p. 230.

ния, то именно потому, что не уверен, что микро-диспозитивы могут быть описаны в терминах власти. Для меня устройство желания означает, что желание не является «естественной» или «спонтанной» детерминацией. Например, феодализм — это такое устройство, которое вводит в оборот новые отношения с животным (лошадью), землей, детерриториализацией (исход рыцарей, Крестовый поход), с женщинами (рыцарская любовь) и т. д. Самые причудливые устройства, но исторически вполне поддающиеся определению. Я же со своей стороны замечу, что желание циркулирует внутри этого устройства гетерогенных элементов, в этой разновидности «симбиоза»: желание совпадает с четко детерминированным устройством, с совместным функционированием. Разумеется, устройство желания будет включать диспозитивы власти (например, феодальные власти), но их необходимо разместить среди различных компонентов этого устройства. Продвигаясь в первом направлении, в устройствах желания можно различить положения дел и высказывания (что будет соответствовать различию двух типов образований или множеств, согласно Мишелю). Если продвигаться в другом направлении, то можно различить территориальности или ре-территориализации и движения в сторону детерриториализации, в которые вовлечено определенное устройство (например, все движения детерриториализации, в которые вовлечены Церковь, рыцарство, крестьяне). Диспозитивы власти будут появляться повсюду, где будут осуществляться ре-территориализации, даже абстрактного плана.

Но устройства также включают в себя пики детерриториализации. Одним словом, не диспозитивы власти будут что-то устраивать или конституировать, но именно устройства желания будут распространяться на определенные властные формации в одном из этих измерений. Что позволяет мне ответить на вопрос, неизбежный для меня, но не для Мишеля: как власть может быть желанной? Первое различие будет состоять в том, что для меня власть — это аффект желания (с учетом того, что желание не является «данной реальностью»). Все это очень приблизительно: существуют более сложные отношения между двумя движениями детерриториализации и ре-территориализации, о которых я не упоминаю. Но именно поэтому желание кажется мне первичным и прежде всего элементом микро-анализа.

Я неизменно следую Мишелю в вопросе, который кажется мне фундаментальным: ни подавления, ни идеологии — например, высказывания (*énoncés*) или, скорее, выражения (*énonciations*) не имеют ничего общего с идеологией. Устройства желания не имеют ничего общего с подавлением. Но, разумеется, в том, что касается диспозитивов власти, мне далеко до строгости Мишеля, я ударяюсь в абстракцию, принимая во внимание их неопределенный для меня статус; в Н и Н Мишель утверждает, что они нормализуют и дисциплинируют; я же говорю, что они кодируют и осуществляют ре-территориализацию (я предполагаю, что и в этом случае есть нечто большее, чем терминологическое различие). Но с учетом того, что

для меня желание обладает приматом над властью, а диспозитивы власти становятся вторичными, осуществляемые ими операции на самом деле сохраняют репрессивный характер, потому что они подавляют не желание как естественную данность, а не позволяют устройствам желания выйти на свой максимум. Взять хотя бы один из самых интересных тезисов ВЗ: диспозитив сексуальности низводит сексуальность до секса (до сексуальных различий и т. д.; и психоанализ не в последнюю очередь причастен к этому низведению). Я считаю это следствием подавления, которое происходит как раз на границе между микро и макро: сексуальность как устройство желания является исторически изменчивым и исторически детерминированным, с ее пиками детерриториализации, потоков и комбинаций будет низведена до молярной инстанции — «сексу». Даже если приемы этого низведения сами по себе не являются репрессивными, его следствие (не-идеологическое) будет репрессивным, поскольку устройства будут выведены из строя, что затронет не только их потенциал, но и их микро-реальность. Поэтому они смогут существовать исключительно в виде фантазмов, которые их полностью изменят и исказят, в качестве чего-то постыдного и т. д. Небольшая проблема, которая меня сильно занимает: почему некоторые из «помутившихся» более подвержены стыду и даже целиком зависят от него по сравнению с остальными (например, те, кто подвержен энурезу или анорексии, не обладают особой стыдливостью). Поэтому мне необходим определенный концепт подавления

не в том смысле, что подавление будет гасить всякую спонтанность, а в том, что у коллективных устройств будут различные измерения и диспозитивы власти будут всего лишь одним из этих измерений.

Еще одна фундаментальная проблема: я думаю, что тезис «ни идеологии — ни подавления» имеет свой коррелят и возможно зависит от него. Социальное поле нельзя определить через его противоречия. Понятие противоречия является глобальным и неадекватным, изначально предполагающим довольно запутанную систему «противоречий» в диспозитивах власти (например, противоречия двух классов, буржуазии и пролетариата). Поэтому мне кажется, что еще одним принципиально новым моментом теории власти Мишеля является то, что общество не противоречит само себе или почти не противоречит. Его ответ состоит в том, что оно само-стратегизируется и стратегизирует. Я нахожу это крайне интересным, я вижу в этом принципиальное различие (стратегия-противоречие). Полагаю, в связи с этим мне стоит перечитать Клаузевица. Но меня не вполне устраивает эта идея.

Со своей стороны я бы сказал: социальное поле не противоречит самому себе, но оно протекает, оно прежде всего протекает повсюду, именно утечки (*lignes de fuite*) первичны (даже если это не хронологическая «первичность»). Они ни в коем случае не находятся за пределами социального поля и не берут в нем начало, утечки представляют из себя ризому и картографию. Утечки — это примерно то же самое, что движения детерриториализации: они не предполагают

никакого возвращения к природе, это пики детерриториализации в устройствах желания. В феодальном строе первичны именно утечки, которые он предполагает, это относится и к X–XII векам и капиталистическому укладу. Утечки совершенно необязательно являются «революционными», напротив, диспозитивы власти будут их закупоривать и накладывать на них лигатуру. Около XI века интенсивность утечек увеличивается: последние вторжения, банды грабителей, детерриториализация Церкви, эмиграция крестьян, трансформация рыцарства, трансформация городов, которые все больше оказываются от территориальных моделей, трансформация денег, которые оказываются вовлечены в новые схемы, изменения в положении женщин, с мотивами куртуазной любви, которые изменяют само понятие любви рыцаря и т. д. Стратегия не может не быть вторичной по отношению к утечкам, к их возможным слияниям, к их направлению, к их конвергенциям или дивергенциям. Но и в этом случае я вижу примат желания, потому что желание заключается именно в утечках, слиянии и расхождении потоков. Оно совпадает с ними. Поэтому, как мне кажется, Мишель сталкивается с проблемой, которая имеет для меня совершенно иной статус. Так как если диспозитивы власти являются в определенном смысле конституирующими, то им можно противопоставить только некоторые феномены «сопротивления» и вопрос заключается в статусе этих феноменов. Они также не будут ни идеологическими, ни анти-репрессивными. Отсюда важность двух страниц

из ВЗ, где Мишель говорит: пускай меня не заставляют утверждать, что эти феномены обманчивы. Но каким статусом он их наделяет? В этом смысле нам даны различные направления: 1) направление, обозначенное в ВЗ (VS, 126–127), где феномены сопротивления будут чем-то вроде перевернутого изображения диспозитивов, но при этом будут иметь тот же самый характер, они будут иметь то же распространение, гетерогенность и т. п., они будут «визави»; но, на мой взгляд, это скорее препятствует поиску выхода, а не находит его; 2) направление, обозначенное в *Politique Hebdo**: если диспозитивы власти являются конституирующими по отношению к истине, если существует истина власти, то должна быть и контр-стратегия, что-то вроде власти истины, направленной против властей. Поэтому перед Мишелем встает проблема роли интеллектуала, с которой связана его новая постановка проблемы истины: полностью обновляя ее и ставя в зависимость от власти, найдет ли он в этом обновлении нечто, что можно обратить против власти? Но и здесь я не понимаю, как это можно сделать. Мишель должен проговорить эту новую концепцию истины на уровне своего микро-анализа; 3) Третье направление — это удовольствия, тело и его удовольствия. Здесь я также ожидаю, чтобы он объяснил, как удовольствия активизируют контр-власти и как он получает понятие удовольствия.

* «Политическая функция интеллектуала» — «La fonction politique de l'intellectuel» (*Politique Hebdo*, 29 novembre – 5 décembre 1976). Воспроизведено в: *Dits et écrits*, III, № 184, p. 109.

Мне кажется, есть три понятия, которые Мишель использует в совершенно новом смысле, не до конца их разработав: соотношения сил, истины, удовольствия.

Передо мной встают некоторые проблемы, которые не встают перед Мишелем, так как он уже решил их в своих работах. Но, чтобы несколько приободрить себя, я говорю, что существуют проблемы, которые не встают передо мной, но неизбежно встают перед ним, как следствие его тезисов и ощущений. Мне кажется, что утечки и движения детерриториализации не имеют эквивалентов у Мишеля в качестве коллективных исторических детерминант. Для меня же не существует проблемы статуса феноменов сопротивления: так как утечки являются первичными детерминантами, так как желание обустроивает социальное поле, тогда как для него диспозитивы власти оказываются одновременно продуктами этих устройств и тем, что их подавляет и закупоривает. Я разделяю с Мишелем его ужас перед теми, кто называет себя маргиналами: романтика безумия, преступности, извращений, наркотиков становится все более невыносимой для меня. Но утечки, то есть устройства желания, с моей точки зрения, не создаются маргиналами. Напротив, имеются, скорее, объективные линии, которые пересекают определенное общество и вдоль которых то тут, то там устраиваются маргиналы, делая петлю, выворачиваясь и производя перекодировку. Поэтому мне и не нужно выяснять статус феноменов сопротивления: первичная данность общества состоит в том, что все течет, все детерриториализируется. По этой причине статус интеллектуала

и политическая проблема даже теоретически не будут для меня теми же, что для Мишеля (я попробую объяснить, какой мне видится эта разница).

Когда мы виделись последний раз, Мишель сказал мне, со всей его вежливостью и обходительностью что-то вроде: я терпеть не могу слово желание; если даже вы используете его в совершенно ином смысле, я не могу не думать и не чувствовать, что желание = нехватка, а о желании говорят как о том, что подавляется. Мишель добавляет: хотя, возможно, то что я называю «удовольствием», — это именно то, что вы называете «желанием»; но в любом случае мне нужно иное слово, чем желание.

Повторю еще раз: разумеется, дело не просто в словах. Потому что я, в свою очередь, терпеть не могу слово «удовольствие». Почему? С моей точки зрения, в желании нет никакой нехватки; для меня это также не природная данность; оно совпадает устройством гетерогенностей, которое функционирует; оно является процессом, в противоположность структуре или генезису; оно является «этовостью» («*haecceité*») (индивидуальностью одного дня, одного сезона, одной жизни); в противоположность субъективности; оно является событием, в противоположность вещи или личности. И прежде всего, оно предполагает учреждение поля имманентности или «тела без органов», которое определяется исключительно своими зонами интенсивности, порогами, перепадами, потоками. Это тело одновременно является биологическим, коллективным и политическим; именно в нем собираются и разбираются устройства, имен-

но на него приходится максимум детерриториализации устройств или утечки. Оно видоизменяет (тело без органов феодализма — это не то же самое, что тело без органов капитализма). Если я называю его телом без органов, то только потому, что оно противопоставляется любым стратам организации, стратам организма, но также организации со стороны власти. Именно совокупность организованных тел разрушает план или поле имманентности и навязывает желанию другой «план», всякий раз стратифицируя тело без органов.

Если я говорю об этом так путано, то потому, что у меня к Мишелю возникает ряд вопросов: 1) я не могу наделить удовольствие какой бы то ни было позитивной ценностью, так как мне кажется, что удовольствие прерывает имманентный процесс желания; мне кажется, что удовольствие располагается в области страт и организации; именно в этом порыве желание предстает как подчиненное закону изнутри, притом, что его ритм задается удовольствием снаружи: в обоих случаях происходит отрицание поля имманентности, свойственного удовольствию. Я думаю, совсем неслучайно Мишель придает определенное значение Саду, а я, напротив, — Мазоху*. Мало сказать, что я — мазохист, а Мишель — садист. Хорошо если бы это было так, но это неправда. Меня интересует у Мазоха не боль, а идея о том, что удовольствие прерывает по-

* Аллюзия на работу Представление Захер-Мазоха в: *Захер фон Мазох Л., Делёз Ж., Фрейд З. Венера в мехах / пер. А. Гараджи. М.: Ад Маргинем, 1992. Deleuze G., *Présentation de Sacher-Masoch*. Paris, Éditions de Minuit, 1967.*

зитивный процесс желания и препятствует созданию поля его имманентности (точно так же, а точнее — иначе, в куртуазной любви происходит создание плана имманентности или тела без органов, когда желание не испытывает нехватки и насколько это возможно воздерживается от удовольствий, которые прервут этот процесс). Удовольствие кажется мне единственной для личности или субъекта возможностью «сориентироваться» в этом процессе, который выше их понимания. Это ре-территориализация. И, с моей точки зрения, подобным образом желание относится к закону нехватки и к норме удовольствия.

2) Вместе с тем идея Мишеля о том, что диспозитивы власти имеют прямое и непосредственное отношение к телу, является важнейшей. Но для меня это происходит в той степени, в какой они навязывают телу определенную организацию. Тогда как тело без органов является местом или агентом детерриториализации (и поэтому — плана имманентности), все организации, вся система того, что Мишель называет «био-властью» осуществляется с помощью различных ре-территориализаций тела.

3) Могу ли я говорить о равнозначности вроде: моим «телам без органов-желаниям», соответствуют «тела-удовольствия» у Мишеля? Разделение «телоплоть», о котором мне говорил Мишель, могу ли я связать его с «телами без органов-организмом»? Важнейшая страница ВЗ (VS,190) о жизни как о том, что определяет возможный статус сил сопротивления. Эта жизнь для меня, как и та, о которой говорит Лоу-

ренс, — это совсем не Природа, а именно изменяемый план имманентности желания, который определяет все устройства. Идея желания у Лоуренса в связи с благотворными утечками. (Небольшая деталь: то, как Мишель использует Лоуренса в конце ВЗ, отличается от того, как использую его я.)

Продвинулся ли Мишель в исследовании занимающей нас проблемы: сохранить права микро-анализа (распространение, гетерогенность, частичный характер) и одновременно найти принцип унификации, который не относился бы к типу «государство», «партия», тотализация, репрезентация?

Во-первых, с точки зрения самой власти: я возвращаюсь к двум направлениям, обозначенным в Н и Н, — с одной стороны диффузный и частичный характер микро-диспозитивов, а с другой — диаграмма или абстрактная машина, которая распространяется на всю площадь социального поля, как мне кажется, вне Н и Н остается проблема отношений между этими инстанциями микро-анализа. Я думаю, что вопрос несколько изменен в ВЗ, где два направления микро-анализа будут с одной стороны микро-дисциплинами, а с другой — биополитическими процессами (VS p. 183 sq.). Именно об этом я говорю в третьем пункте настоящих заметок. Так как точка зрения Н и Н предполагала, что диаграмма, несводимая к всеобъемлющей инстанции государства, возможно, станет осуществлять микро-унификацию небольших диспозитивов. Стоит ли это понимать в том смысле, что теперь этой функцией будут наделены био-политические процессы?

Я должен заметить, что понятие диаграммы представляется мне весьма ценным: вернется ли к нему Мишель в этом новом контексте?

При этом, если исходить из способов сопротивления или того, что я называю утечками, как следует понимать отношения или слияния, стечения, процессы унификации? Я сказал бы, что коллективное поле имманентности, в котором в определенный момент формируются устройства, где они пробивают путь для утечек, также имеют настоящую диаграмму. Необходимо найти сложное устройство, которое могло бы составить эту диаграмму, осуществляя слияние утечек или выходя на пик детерриториализации. Именно в этом смысле я говорил о боевой машине, которая принципиально отличается не только от государственного аппарата и военных учреждений, но и от диспозитивов власти. Поэтому с одной стороны у нас будет: государство — диаграмма власти (государство как молярный аппарат, который обрабатывает микро-данные диаграммы в качестве организационного плана); с другой — боевая машина как диаграмма утечек (боевая машина как устройство, которое обрабатывает микро-данные диаграммы в качестве плана имманентности). Я остановлюсь на этом этапе, потому что он вводит в оборот два совершенно различных типа планов, что-то вроде трансцендентного плана организации против имманентного плана устройств, в результате чего мы снова вернемся к уже обозначенным проблемам. Но здесь я уже не знаю, какую позицию я должен занять по отношению к текущим исследованиям Мишеля.

(Дополнение: что меня больше всего интересует в двух противоположных состояниях плана и диаграммы, так это их историческое столкновение, которое принимает самые разнообразные формы. В одном случае у нас есть план организации и развития, который скрыт по своей природе, но который позволяет увидеть все, что является видимым; в другом — план имманентности, где нет ничего, кроме скоростей и задержек, никакого развития, все видно и понятно сразу и т. д. Первый план не совпадает с государством, но связан с ним; второй, напротив, связан с боевой машиной, с мечтой о боевой машине. На уровне природы, например, Кювье, а также Гёте представляли план первого типа; Гёльдерлин в «Гиперионе», но в еще большей степени Клейст предлагали план второго типа. Это как бы два типа интеллектуалов. Или в музыке, где сталкиваются две концепции звукового плана. Эта связь власть-знание в том виде, как ее анализирует Мишель, можно ли ее объяснить следующим образом: власти предполагают план-диаграмму первого типа (например, греческий полис и Евклидову геометрию). И наоборот, со стороны контр-властей есть другая разновидность плана так или иначе связанная с боевыми машинами, что-то вроде «миноритарных» знаний (Архимедова геометрия или же геометрия соборов, которую будет вытеснять государство), сопутствующих сопротивлению; которое при этом не принимает ту же форму, что и знание иного рода).

Богатый еврей *

Фильм Даниэля Шмида «Тень ангелов», который шел в Париже в двух залах (Мак-Магон и Сант-Андрэ-дез-ар), обвиняют в антисемитизме. Как обычно бывает в таких случаях, нападают сразу с двух сторон: официальные организации настаивают на сокращениях и требуют запрета, а анонимные группы угрожают звонками о заложенной бомбе. Поэтому теперь сложно говорить о красоте, новизне или важности этого фильма. Как если бы мы сказали: фильм настолько хорош, что ему можно простить толику антисемитизма... Первым следствием этой организованной системы давления является не просто риск исчезновения фильма, а то, что он уже в нашем представлении исчез, так как его связывают с совершенно ложной проблемой.

Антисемитские фильмы действительно есть. Есть много других, что не нравятся определенной группе людей по вполне определенным причинам. Но в данном случае именно бессодержательность обвинения переходит некую черту. Сложно поверить, что все происходит на самом деле. Слова «богатый еврей» действительно произносят достаточно часто для обо-

* «Le juif riche». Впервые в: *Le Monde*, 18 февраля 1977, р. 26. По поводу фильма Даниэля Шмида «Тень ангелов». После многочисленных запретов различных фильмов со стороны министерства культуры в 1976 году, а также запрета фильма Даниэля Шмида, последовавшего 13 февраля 1977 года, около пятидесяти человек, в том числе Делёз, подписали петицию, протестуя против «безответственности, проявляющейся в отказе от анализа структуры фильма» и «против актов насилия, препятствующих его просмотру» (перевод выполнен по *DRF*, р. 123–126).

значения определенного персонажа. То, что этот персонаж обладает шармом, которым его вполне «сознательно» наделили создатели фильма, имеет значение. Шмид прекрасно объяснил одну из главных особенностей своего фильма: лица находятся как бы рядом с актерами, а то, что они говорят, — рядом с лицами. Если богатый еврей действительно может говорить о себе как о «богатом еврее», актеры исчерпываются совокупностью высказываний и лиц, которая приводит к серии преобразований. Слова «гном», «карлик» обозначают смущающего всех гиганта, все действия и функции которого являются действиями карлика. Высказывания нацистов, антисемитские заявления, привязаны к анонимному персонажу, который произносит их, валяясь в постели; или же вложены в уста певицы-травести, которая как раз и оказывается нацистским сановником.

Кем являются все эти персонажи, потому что нужно немало потрудиться, чтобы понять, на чем предположительно основано бредовое обвинение в антисемитизме. Во-первых, больная туберкулезом проститутка, дочь нацистского сановника. Затем «богатый еврей», который сделал состояние на недвижимости и рассказывает о своем ремесле: выселениях, сносах, спекуляциях. Их связь объясняется великим страхом, страхом перед тем, чем становится мир. Из пронизывающего их страха женщина невольно черпает силу, которая приводит в замешательство тех, кто оказывается с ней рядом, и которая, чтобы она ни делала, несмотря на всю ее доброту, заставляет их ощущать ее

презрение. Богатый еврей обязан ему, скорее, безразличием к собственной участи, которое лежит на нем как печать благодати, как отстраненность, которая уже перенесла его в другой мир. «Тень ангелов». У обоих есть способность превращения, потому что они наделены этой силой и отмечены этой благодатью (как и в случае с превращением сутенера). «Богатый еврей» обязан своим богатством системе, которая никогда не представляется как еврейская, а, скорее, имеет отношение к городу, муниципалитету или полиции; свою же благодать он черпает из другого источника.

Положение проститутки объясняется крахом нацизма, но и она черпает свою силу не в этом. Они оба единственные «живые» и уязвимые в этом городе, в Некрополе. Только еврей знает, что женщина его не презирает и ее сила не угрожает ему. Только женщина знает, что представляет из себя еврей, и только ей известен источник его благодати. Она в конце концов просит еврея убить ее, она устала, ей больше не нужна эта сила, которая кажется ей совершенно бесполезной. Он пойдет в полицию, которая все еще защищает его ради бизнеса с недвижимостью, но ему больше ни к чему благодать, которая становится на удивление неуместной и сомнительной. Достаточно увидеть эти образы на экране: в них конкретное содержание фильма.

Где во всем этом антисемитизм и где он может скрываться? Протираем глаза, ищем. Возможно, в выражении «богатый еврей»? Хорошо, в фильме оно играет важную роль. В приличных семьях раньше не принято было говорить «еврей», вместо этого го-

ворили «иудей». Но именно эти семьи как раз и были антисемитскими. Но что можно сказать о еврее, который не является ни иудеем, ни израильтянином, ни даже сионистом? Что можно сказать о Спинозе, еврейском философе, изгнанном из синагоги, сыне богатых торговцев, чьи обаяние, гений и мощь не в последнюю очередь были связаны с тем, что он был евреем и называл себя евреем? Это все равно что изымать слово из словаря: Лига борьбы с антисемитизмом объявляет антисемитом любого, кто произносит слово «еврей» (за исключением случаев, когда оно используется в погребальном ритуале и надгробной речи). Лига отказывается от публичных дискуссий и оставляет за собой право решать, что является антисемитизмом без всяких объяснений?

Шмид прямо говорит о своих политических намерениях, и фильм наглядно их демонстрирует, в самой простой и ненавязчивой манере. Старый фашизм, сколь бы он ни был силен и актуален во многих странах, не является новой и остро актуальной проблемой. Нас готовят к новым разновидностям фашизма. Наступает нео-фашизм, по сравнению с которым любой традиционный фашизм смотрится как фольклор (певец травести в фильме). Вместо того чтобы проводить политику войны и организовывать военную экономику, нео-фашизм заключает мировой пакт о безопасности. Ради поддержания «мира», ничуть не менее ужасного, с его тщательной манипуляцией всеми незначительными страхами и опасениями, превращающих нас в микро-фашистов, обязанных подавлять

всякое явление, гнать от себя всякий образ, заглушать любой чуть возвысившийся голос на своей улице, в своем квартале, в своем кинозале. «Я не люблю фильмы о фашизме 30-х годов. Новый фашизм куда утонченнее, он хорошо завуалирован. Возможно, как в моем фильме, он будет движущей силой общества, в котором будут решены социальные проблемы, но проблема тревоги лишь слегка приглушена».

Если фильм Шмида будет запрещен или ограничен в прокате, это не будет победой в борьбе с антисемитизмом. Это будет победой нео-фашизма и первым случаем, когда можно будет спросить, не было ли это всего лишь предлогом, притом самым незначительным? И лишь немногие вспомнят о красоте этого фильма, его политическом значении и том, как именно его запретили.

О новых философах и более общей проблеме*

— Что ты думаешь о «новых философах»?

— Ничего. Я нахожу их мысль довольно убогой.

Я могу найти этому два объяснения. Прежде всего, они используют дутые концепты, раздувшиеся, как нарыв: ТОТ САМЫЙ Закон, ТА САМАЯ Власть, ТОТ САМЫЙ Господин, ТОТ САМЫЙ Мир, ТО САМОЕ Восстание, ТА САМАЯ Вера. Они могут использовать самые причудливые сочетания, обобщающие дуализмы, закон и восставший, власть и ангел. При этом чем бессодержательнее мысль, тем важнее становится мыслитель, тем больше субъект высказывания придает важности самому себе по отношению к бессмысленным высказываниям («я говорю вам это открыто и без всякого страха, я как воин Христа, я как представитель потеряннного поколения... мы, поскольку это мы устроили Май 68-го, поскольку мы больше не позволим себя одурачить...»). Используя два этих приема, они дезорганизуют любую работу. Уже давно в самых разных областях люди работают над тем, чтобы избежать подобной опасности. Мы пытаемся создать четко артикулированные или дифференцированные концепты, позволяющие отказаться от общих дуалистических

* «A propos des nouveaux philosophes et d'un problème plus général». Приложение к *Minuit*, №24, mai 1977. Этот текст, датированный 5 июня 1977 года, бесплатно распространялся в книжных магазинах в ответ на активное продвижение многочисленных полемических работ под маркой «новой философии» (перевод выполнен по DRF, р. 127-134).

понятий. Стараясь при этом выделить созидательные функции, которые больше не будут сводиться к функции-автору (в музыке, живописи, в области аудиовизуального искусства, в кино и даже в философии). Это повсеместное возвращение к автору или пустому и чрезмерно напыщенному субъекту, к обобщающим стереотипным концептам представляет собой взбешенную силу реакции. В полном соответствии с реформой Аби: серьезное упрощение «программы» по философии.

— Ты говоришь так потому, что Б.-А. Леви резко критикует вас, тебя и Гваттари, в своей книге «Варварство с человеческим лицом»*?

— Нет, нет и еще раз нет. Он утверждает, что существует глубокая связь между «Анти-Эдипом» и «апологией всего самого гнилого в навозной куче декаданса» (именно так он выражается), глубокая связь между «Анти-Эдипом» и наркоманами. Это хотя бы рассмешит наркоманов. Но он говорит, что СЕРФИ** является расистским, а вот это уже подло. Я давно хотел высказаться по поводу Новых Философов, но я не понимал, как именно. Они сразу заявили бы: смотрите, он завидует нашему успеху. Их ремесло состоит в том, что атаковать, контр-атаковать и отражать контр-атаки. Я сделаю это всего один раз. Больше я им отвечать не буду. Для меня ситуация изменилась с по-

* Lévy B.-H., *La Barbarie à visage humain*. Paris, Grasset, 1977.

** СЕРФИ — Центр институциональных разработок, исследований и подготовки (CERFI — *Centre d'Etudes de Recherche et de Formation Institutionnelle*), одним из руководителей которого был Феликс Гваттари.

явлением книги Обралья и Делькура «Против новой философии»*. Обраль и Делькур попытались всерьез анализировать эту мысль и пришли к довольно забавным выводам. У них получилась хорошая и бодрая книга, они первые выступили с протестом. Они даже вступили с новыми философами в полемику на телевидении в передаче «Апострофы». Поэтому, используя выражения наших противников, Господь сказал мне следовать за Обралем и Делькуром и наделил меня ясной и безнадежной отвагой.

— Если их мысль настолько убога, то как объяснить ее очевидный успех, ее распространение и тот факт, что у нее все больше союзников, как например Соллерс?

— Существует множество различных проблем. Прежде всего во Франции есть давняя мода на литературные «школы». Школа ужасна сама по себе: всегда есть папа, манифесты, заявления вроде «авангард — это я», отлучения, трибуналы, резкая смена политических взглядов и т. д. В принципе, чем больше мы говорим «Я прошел через это», тем больше шансов на то, что мы всю жизнь занимаемся самообманом. Поэтому только сталинисты могут дать уроки антисталинизма. Но в конечном счете, несмотря на всю ограниченность школ, мы не можем утверждать, что новые философы представляют из себя школу. Это новая реальность: вместо того чтобы сформировать школу, они впервые во Франции ввели в оборот литературный и философ-

* Aubral F. et Delcourt X., *Contre la nouvelle philosophie*. Paris, Gallimard, coll. Idées, 1977.

ский маркетинг. У маркетинга есть свои специфические принципы: 1. Необходимо, чтобы все говорили о книге, и только о ней, тем более что сама книга не говорит ни о чем или ей нечего сказать. На худой конец необходимо, чтобы множество статей, интервью, конференций, радио- или телепередач могли заменить книгу, которая могла бы не существовать вовсе. Именно поэтому результаты работы, которой занимаются новые философы, проявляется скорее не в виде книг, а в виде статей, на которые должен быть спрос, журналов и передач, которые необходимо захватить, интервью, которые необходимо разместить, дела, которые нужно подготовить, в виде номера *Playboy*. Подобного рода активность находится за рамками философии или выводит философию за рамки. 2. К тому же с точки зрения маркетинга одна и та же книга или один и тот же продукт должны быть представлены в разных версиях, чтобы нравиться всем: благочестивая версия, атеистическая, хайдеггерианская, гошистская, центристская или даже ширакианская или нео-фашистская, «объединенно-левая» со своими нюансами и т. п. Отсюда необходимость распределять роли по вкусу. В Клавелле есть что-то от д-ра Мабузе, эдакого евангелического Мабузе, Жамбе и Лардро — это Спёри и Пеш, приспешники Мабузе (они намерены «схватить за шиворот» Ницше). Бенуа — это боевой скакун, своего рода Нестор. Леви — то импресарио, то ассистентка режиссера, то массовик-затейник, то диджей. Жан Ко находит все это восхитительным, Фабр-Люс предстает как ученик Глюксмана;

выходит новое издание Бенда во славу клерков. До чего странная компания.

Соллерс — последний во Франции, кто придерживается старых школьных принципов с их папизмом, отлучениями, трибуналами*. Полагаю, что когда он понял, в чем суть этого движения, то сказал себе, что они правы, что им нужно стать союзниками, что было бы глупо упускать подобную возможность. Он пришел с опозданием, но верно кое-что подметил. Потому что вся эта история с маркетингом философских книг — это действительно нечто новое, это идея, которую «стоило бы придумать». Тот факт, что новые философы восстанавливают пустую функцию-автора и то, что они используют дутые концепты, совершенно не исключает глубокого модернизма и анализа, который прекрасно приспособлен к обстоятельствам и к рынку. Я думаю, некоторые из нас могут испытывать что-то вроде снисходительного любопытства к подобной операции, исключительно с точки зрения натуралиста или энтомолога. В моем случае это не так, поскольку я смотрю на это в тератологической перспективе и это действительно ужасно.

— Если это вопрос маркетинга, то как ты объяснишь, что их пришлось ждать так долго, и почему именно сейчас они могут добиться успеха?

— Ввиду разных обстоятельств, которые сильнее нас и сильнее их. Андрэ Скала недавно проанализировал некоторые изменения в отношениях

* Намек на группу, сложившуюся вокруг журнала *Tel Quel*, одним из вдохновителей которой был Филипп Соллерс.

журналистов и писателей, между прессой и книгой. Журналистика в тесной связи с радио и телевидением все острее осознает свою способность создать событие (контролируемые утечки, Уотергейт, опросы?). И чем меньше ей требуется ссылаться на внешние события — ведь она их в основном и создает, — тем меньше ей требуется анализ, выходящий за пределы журналистики, или персонажи вроде «интеллектуала» или «писателя»: журналистика открывает в себе самой автономную и самодостаточную мысль. Именно поэтому книга ценится меньше посвященной ей журнальной статьи или интервью, которое появляется по случаю ее выхода. Интеллектуалы, писатели и даже художники вынуждены стать журналистами и хотят соответствовать нормам. Это новая разновидность мысли: мысль-интервью, мысль-беседа, мысль-за-одну-минуту. Скорее можно представить себе книгу, посвященную журнальной статье, чем наоборот. Соотношение сил между интеллектуалами и журналистами принципиально изменилось. Все началось с телевидения с его цирковыми номерами, которые заставляют проделывать послушных интеллектуалов интервьюеры. Журналам больше не нужны книги. Я не говорю, что эта перемена, это приручение интеллектуала, эта журнализация является катастрофой. Происходит вот что: именно в тот момент, когда литература и мысль отказываются от функции-автора и творческий процесс больше от нее не зависит, она возрождается на радио и в журналистике. Журналисты становятся новыми авторами, а писатели, которые все еще хотят ими быть,

должны действовать через журналистов или представлять в журналистике самих себя. Функция, доверие к которой было во многом утрачено, находит свою актуальность и порождает новый конформизм, меняя свое место и свой объект. Именно поэтому стал возможен проект интеллектуального маркетинга. Можно ли сегодня по-другому использовать телевидение, радио или журнал? Разумеется, но это уже не имеет отношения к новым философам. Я хотел бы сказать об этом.

Существует и другая причина. Мы уже давно вошли в предвыборный период. Потому что выборы — это не определенный момент или какой-то день в календаре. Это нечто вроде сети, которая влияет на наш способ понимания и восприятия. Все события и проблемы сводятся к этой искажающей восприятие сети. Специфические условия нынешних выборов приводят к повышению градуса идиотизма. Именно в эту сеть новые философы встроены с самого начала. Неважно, что некоторые из них изначально были против объединения левых сил, а другие хотели создать мозговой центр к услугам Миттерана. Происходит сглаживание различий между эти двумя тенденциями, скорее, против левых, но особенно вокруг темы, которая с самого начала присутствует в их книгах: ненависть к маю 68-го года. Именно ради этой ненависти они сформировали свой субъект высказывания: «Мы, ведь это мы устроили май 68-го, говорим вам, что это было глупо, и больше мы этого не повторим». Озлобленность по отношению к 68-му это единственное, что у них есть. Именно поэтому, независимо от их позиции на выбо-

рах, они прекрасно вписываются в предвыборную сеть. От этого зависит все остальное: марксизм, маоизм, социализм и т. д., но не потому, что реальные противостояния создали новых противников, новые проблемы и новые средства, а потому что ТУ самую революцию необходимо признать невозможной, для всех времен и народов. Именно поэтому все концепты, которые начали функционировать совершенно по-разному (власти, сопротивление, желания, и даже «плебс»), заново подвергаются глобализации и сводятся к пошлomu единству, власти, закона, государства и т. д. Именно поэтому мыслящий Субъект возвращается на сцену, потому что для новых философов единственная возможность революции заключается в деянии мыслителя, который считает ее невозможной.

У меня вызывает отвращение одна простая вещь: новые философы занимаются мартирологией, ГУЛАГом и жертвами истории. Они питаются падалью. Они обнаружили функцию-свидетельство, которая сливается с функцией-автора или мыслителя (посмотрите номер *Playboy*: это мы, свидетели...). Но этих жертв никогда бы не было, если бы они думали и говорили, как они. Эти жертвы должны были думать и жить совершенно по-другому, чтобы дать повод тем, кто их оплакивает, думает за них и дает за них уроки. Те, кто рискует своей жизнью, рассуждают в категориях жизни, а не смерти, горечи и нездорового тщеславия. Напротив, участники сопротивления живее всех живых. Никто и никогда не был брошен в тюрьму за свое бессилие или пессимизм, как раз наоборот. С точ-

ки зрения новых философов жертвы были обмануты, потому что они не поняли того, что поняли новые философы. Если бы я был членом какой-нибудь ассоциации, то я подал бы жалобу против новых философов, которые чересчур презирают обитателей ГУЛАГа.

— Когда ты осуждаешь маркетинг, выступаешь ли ты за идею книги-по-старому или за старые школы?

— Нет, нет и еще раз нет. Нет никакой необходимости в подобном выборе: либо маркетинг, либо все по-старому. Это ложный выбор. Самое интересное из того, что сейчас происходит, не сводится к этой альтернативе. Посмотрите, как работают музыканты, как работают ученые, как пытаются работать некоторые художники, как организуют свою работу географы (ср. журнал *Herodotus*). Первая отличительная черта — это встречи. Никаких конференций или дебатов, работая в определенной области вы встречаете людей, которые работают в совершенно иной области, как если бы решение всегда приходило извне. Речь не идет о сравнениях или заумных аналогиях, а о реальных точках пересечения, о переплетении линий. Например (это пример важный, поскольку новые философы много говорят об истории философии), Андре Робине сегодня вносит нечто новое в историю философии с помощью компьютеров; поэтому он обязан встретиться с Ксенакисом. Тот факт, что математики могут продвинуть или изменить определенную проблему совершенно иного рода, не означает, что проблема получает математическое решение, а то, что

у нее есть математический аспект, который сочетается с прочими аспектами. То, как новые философы относятся к «той самой» науке, просто поразительно. Встретиться, работая над своей собственной темой, с работами музыкантов, художников или ученых — это единственное актуальное сочетание, которое не сводится ни к старым школам, ни к нео-маркетингу. Именно эти сингулярные точки являются источниками творчества, креативными функциями, не зависящими от функции-автора, оторванными от нее. Это верно не только в случае пересечения различных областей, но и для любой области, каждая зона которой, сколь бы мала она ни была, уже состоит из подобных пересечений. Философы должны появляться отовсюду: не в том смысле, что философия будет зависеть от какой-то народной мудрости, а в том, что ее порождает каждая встреча, в то же самое время, что она определяет новый способ употребления, новое расположение устройств — диких музыкантов и пиратских радиостанций. Поэтому всякий раз, когда креативные функции вытесняют функцию-автора, мы видим, что она обращается к новому конформизму «раскрутки». Целая серия столкновений, происходящих более-менее на наших глазах: кино, радио, телевидение, — создают все возможности для развития креативных функций, которые упразднили Автора; но функция-автор воссоздается за счет конформистской манеры использовать эти медиа. Крупные продюсерские компании начинают снова покровительствовать «авторскому кино»; так Жан-Люк Годар получает воз-

возможность создать что-то креативное на телевидении; но у могущественной телекомпании есть своя собственная функция-автор, которая позволяет ей препятствовать творчеству. Когда литература, музыка и т. д. завоевывают новые области творчества, функция-автор воссоздается в журналистике, которая будет подавлять как свои собственные креативные функции, так и функции литературы. Мы возвращаемся к новым философам: они создали гнетущую, удушливую атмосферу, в которой совершенно нечем дышать. Это отрицание всякой политики и всякого эксперимента. Одним словом, моя претензия к ним состоит в том, что они производят страшную халтуру и эта работа полностью вписывается в новое отношение прессы и книги, причем самого реакционного свойства: безусловно нового, но в высшей степени конформистского. Но важны не новые философы сами по себе. Даже если все они завтра исчезнут, их маркетинговое начинание продолжают другие. Оно состоит в подчинении любой мысли медиа; вместе с тем она придает этим медиа некий минимум интеллектуальной осмотрительности и уверенности в себе, чтобы пресечь все попытки заниматься творчеством, чтобы изменить их изнутри. Чем больше идиотских дебатов на телевидении, чем больше пустяковых и нарциссических авторских фильмов — тем меньше возможностей для творчества на телевидении и где бы то ни было. Я хотел бы предложить некую хартию интеллектуалов, в условиях их текущих отношений с медиа, с учетом нового расклада сил: отказывать, повышать требования, стать про-

дюсерами, вместо того чтобы быть авторами, которым остается только заносчивость прислуги да слава наемных шутов. Беккет, Годар умели выходить из подобных ситуаций и оставаться творцами, хотя и совершенно по-разному: есть масса возможностей в кино, в аудио-визуальной области, в музыке, науках, книгах... Но новые философы — это настоящая зараза, которая пытается всему этому помешать. В них нет ничего живого, но они выполняют свою миссию, если им удастся удержаться на плаву, чтобы умертвить что-то действительно стоящее.

Возмутители спокойствия*

Как палестинцы могут быть «надежными партнерами», если у них нет страны? Но откуда у них возьмется страна, если ее у них отняли? Им никогда не предоставляли иного выбора кроме как сдаться без всяких условий. Им предлагают только смерть. В их войне с Израилем, действия последнего расцениваются как обоснованные ответные удары (даже если они кажутся диспропорциональными), в то время как действия палестинцев рассматриваются исключительно как преступления, связанные с терроризмом. И смерть араба оценивается иной меркой и имеет иную цену, чем смерть израильянина.

Начиная с 1969 года Израиль не прекращал бомбардировки и обстрелы Южного Ливана. Он открыто признал, что недавнее вторжение в эту страну не было ответом на атаку диверсионных групп на Тель-Авив (тридцать тысяч солдат против одиннадцати террористов**), а спланированным заранее завершением целой серии операций, право начинать которые

* «Les gêneurs», *Le Monde*, 7 avril 1978 (перевод выполнен по DRF, р. 147–149).

** Намек на крупную операцию, начатую несколькими неделями ранее правительством Бегина в Южном Ливане, в качестве возмездия за рейд палестинской диверсионной группы в Тель-Авиве, которая привела к нескольким десяткам жертв. Для Израильской армии она стала самой крупной операцией на ливанской территории и привела ко многим сотням жертв в палестинских лагерях и среди ливанского населения, спровоцировав бегство десятков тысяч мирных жителей в столицу. Несмотря на свой масштаб, это наступление не привело к уничтожению баз палестинских повстанцев и ликвидации фронта.

он оставил за собой. Приступая к «окончательному решению» палестинского вопроса, Израиль может рассчитывать на практически полное единодушие других стран, с некоторыми оговорками и ограничениями. Палестинцы, народ без территории или государства, являются возмутителями спокойствия для всех. Они, конечно, получают деньги и оружие от некоторых стран, но они знают, о чем говорят, утверждая, что находятся в полном одиночестве.

Палестинские бойцы также говорят, что недавно одержали небольшую победу. В Южном Ливане у них были лишь небольшие группы сопротивления, которые неплохо держались. При том что в ходе израильского вторжения атакам без разбора подвергались палестинские беженцы, ливанские крестьяне, весь этот бедный народ земледельцев. Разрушение деревень и городов, уничтожение мирного населения подтверждены: об использовании шариковых бомб сообщают различные источники*. На протяжении многих лет население Южного Ливана то бежит, то возвращается, находясь в состоянии вечного исхода под ударами израильской армии, при этом не очень ясно, чем она отличается от террористов. После недавней эскалации двести тысяч человек, оставшихся без крова, вынуждены были бежать. Государство Израиль использует метод, который ранее зарекомендовал себя в Галилее в 1948 году: он «палестинизирует» Южный Ливан.

* Шариковые бомбы — это альтернативное название осколочных бомб.

Палестинские бойцы вышли из беженцев. Израиль не пытается победить их иначе как заставляя тысячи людей становиться беженцами, что даст новых бойцов.

Не только наши отношения с Ливаном заставляют нас сказать: Израиль уничтожает хрупкую и сложную страну. Есть и другой аспект. Модель Израиль — Палестина является определяющей для актуальных вопросов терроризма, даже внутри Европы. Согласие всех стран мира, создание международной полиции и международной юрисдикции, в том виде, в котором она готовится, неизбежно примет такие масштабы, что тысячи людей будут рассматриваться как «виртуальные» террористы. Мы находимся в ситуации войны в Испании, которая стала экспериментальной лабораторией еще более ужасного будущего.

Сегодня именно государство Израиль проводит эксперимент. Он закрепляет модель репрессий, которую пустят в оборот в других странах, приспособив ее к своим условиям. В его политике присутствует неизменная преемственность. Израиль всегда считал, что резолюции ООН, на словах осуждающие его действия, на самом деле его оправдывают. Предложение покинуть оккупированные территории он превратил в обязательство разместить там свои колонии. В настоящий момент он считает, что отправка международного контингента в Южный Ливан — это прекрасная идея... при условии, что он вместо него займется превращением региона в зону полицейского контроля или под-

контрольную пустыню*. Это довольно странный шантаж, который международное сообщество не сможет отвергнуть до тех пор, пока не окажет достаточное давление для признания палестинцев теми, кем они являются, «надежными партнерами», потому что они находятся в состоянии войны, за развязывание которой не несут никакой ответственности.

* Через месяц после отправки израильской армии, которая оккупировала до одной шестой территории Ливана, голубые каски ООН вступили в Южный Ливан.

Мая 68-го не было*

В исторических феноменах, подобных Революции 1789 года, Коммуне, Революции 1917 года, всегда есть что-то от события, несводимого к социальному детерминизму и причинным рядам. Историков не устраивает это обстоятельство: они восстанавливают причинность задним числом. Но событие само по себе состоит в обособлении или в разрыве с различными видами причинности: это бифуркация, отклонение от законов, нестабильное состояние, которое открывает новый спектр возможностей. О подобных состояниях говорил Пригожин, когда даже в физике число незначительных отличий возрастает, вместо того чтобы подвергнуться нейтрализации, а совершенно независимые феномены приходят в резонанс, вступают во взаимодействие. В этом смысле событие может быть оспорено, пресечено, воспроизведено заново, предано: оно не содержит в себе чего-то непреодолимого. Только ренегаты говорят: это пройденный этап. Но событие само по себе прекрасно именно своей древностью: оно не позволяет себя преодолеть, оно состоит в открытии возможности. Оно происходит как внутри индивидов, так и в самой гуще общественной жизни.

И в этом случае упомянутые нами исторические феномены неотделимы от разного рода детерминизмов и причинных связей, хотя и совершенно другого

* «Mai 68 n'a pas eu lieu». Совместно с Феликсом Гваттари. Впервые: *Les Nouvelles Littéraires*, 3–10 mai, 1984, p. 75–76 (перевод выполнен по DRF, p. 215–217).

свойства. Май 68-го, скорее, из разряда чистых событий, независимых от обычной или нормативной причинности. Его история — это «последовательность нестабильных состояний и возрастающих флуктуаций». В 68-м хватало суеты, жестов, слов, всевозможных глупостей, иллюзий, но важно не это. Важен сам феномен ясновидения, как если бы общество вдруг узрело, что в нем есть что-то невыносимое и возможность чего-то иного. Это был коллективный феномен из разряда «Дайте мне возможного или я задохнусь». Возможное не существует заранее, его создает событие. Это насущный вопрос. Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...).

Когда в обществе происходит определенный сдвиг, то недостаточно понять оказанное им влияние, исследуя причинные ряды экономического или политического плана. Общество должно быть способно создать новые коллективные устройства (*agencements*), соответствующие новой субъективности, оно должно желать, чтобы этот сдвиг произошел. Именно в этом заключается настоящее «преобразование». Американский *New Deal*, стремительный подъем Японии были совершенно различными примерами субъективного преобразования, со всей их двусмысленностью и реакционными структурами, но в них также находилось место инициативе и созидательности, заложивших фундамент нового социального государства, отвечающего требованиям события. Во Франции же, напротив,

после 68-го власти неизменно считали, что «все как-нибудь само утрясется». И действительно утряслось, но в условиях полной катастрофы. Май 68-го не был кризисом или реакцией на кризис. Скорее наоборот. Именно текущий кризис и то безвыходное положение, в котором оказалась Франция в этих кризисных условиях, является следствием неспособности усвоить уроки мая 68-го. Французское общество продемонстрировало полнейшую беспомощность в том, что касается субъективного преобразования на уровне коллектива, как того требовал май 68-го: в таком случае, как оно могло осуществить преобразования в экономике, в том смысле, как это понимали «левые»? Оно не смогло ничего предложить людям: ни в школе, ни на работе. Все новое было вытеснено на задний план и сведено к карикатуре. Сегодня мы наблюдаем, как рабочие Лонгви вцепились в свою сталь, производители молочных продуктов — в своих коров и т. д. А что им остается, если всякое устройство нового образа жизни, новой коллективной субъективности заранее отвергалось в связи с реакцией на май 68-го, левыми почти так же, как и правыми. Это касается и свободного радио. Возможное всякий раз оказывалось в изоляции.

Детей 68-го можно найти повсюду, хотя они сами этого не осознают, и каждая страна порождает их на свой манер. Их положению не позавидуешь. Это не молодые управленцы. Они на удивление безразличны, но всегда в курсе дела. Они перестали быть требовательными и отказались от самолюбования, но прекрасно понимают, что сегодня нет ничего, что

соответствовало бы их субъективности, их кипучей энергии. Они знают, что все настоящие реформы направлены, скорее, против них. Они решили заниматься своими делами как умеют. И сохраняют какую-то открытость, нечто возможное. Их поэтизированный портрет дал Коппола в «Бойцовой рыбке»; актер Микки Рурк объясняет: «Это персонаж на излете, на грани. Он не какой-нибудь *Hell's Angel*. У него есть голова на плечах, кроме того, ему не чужд здравый смысл. В нем сочетается уличная и университетская культура. И именно это сочетание сводит его с ума. Он ничего не видит. Он знает, что для него нет работы, потому что он куда смышленей, чем любой из тех, кто мог бы нанять его...» (*Libération*, 15 февраля 1984 года).

Это происходит во всем мире. Через безработицу, выход на пенсию или в школу происходит институционализация контролируемых «состояний беспомощности» по аналогии с инвалидами. Единственные по-настоящему субъективные трансформации на коллективном уровне происходят в случае дикого капитализма по-американски или исламского фундаментализма, как в Иране, афро-американских религий, как в Бразилии: это противоположные образы нового интегризма (к ним нужно добавить европейский нео-папизм). Европе нечего предложить, а у Франции похоже не осталось других устремлений, кроме как встать во главе американизированной и вооруженной до зубов Европы, которая осуществит необходимые экономические преобразования с помощью реформ сверху. Спектр возможностей выглядит следующим

образом: следуя в направлении Восток-Запад прийти к пацифизму, в той мере, в которой он предполагает снижение накала конфликта и отказ от излишнего вооружения, а также установление согласия и разделение сфер между Соединенными Штатами и СССР. Следуя в направлении Север-Юг, к новому интернационализму, который заключается не просто в союзе с третьим миром, а в феномене превращения в третий мир самих богатых стран (например, развитие метрополий, деградация центральных кварталов, становление европейского третьего мира в описании Поля Вирильо). Не остается ничего, кроме творческого решения. Именно творческие преобразования позволят разрешить настоящий кризис и придут на смену повсеместному Маю 68-го, бифуркации и возрастающей флуктуации.

Фуко и тюрьмы *

History of the Present: Прежде чем затронуть более общие вопросы об интеллектуалах и их активности в области политики, не могли бы вы прояснить ваши отношения с Фуко и ГИТ**?

Ж.Д.: Хорошо, начнем с ГИТ. Все, что я вам расскажу, вы должны проверить. Потому что я почти ничего не помню, как если бы я рассказывал вам о каком-то сне, все это очень зыбко. После 68-го было много самых различных групп, но при этом весьма ограниченных. Именно после 68-го. Они через что-то прошли, у них было какое-то прошлое. Фуко настаивал, что 68-й не имел для него значения. У него уже было прошлое большого философа, но за ним не тянулось прошлое 68-го. Но вне всякого сомнения

* «Foucault et les prisons». Название принадлежит издателю сборника «Два вида безумия». Впервые текст появился под названием «Интеллектуал и политика: Фуко и тюрьма» («The Intellectual and Politics. Foucault and the prison», Interview with Paul Rabinow and Keith Gandall, 25 May 1985, *History of the Present*, Spring 1986, p. 1–2, 20–21). Перевод на английский Пола Ребиноу. Настоящая версия составлена на основании стенограммы оригинальной записи и в некоторых моментах отличается от американской версии (перевод выполнен по DRF, 254–262).

** ГИТ (Группа информации о тюрьмах) (*Groupe Information Prison*) была создана в феврале 1971 года по инициативе Даниэля Дефера и Мишеля Фуко. Их целью было проводить опросы о том, что «невыносимо» (подпольно распространяемые в тюрьмах с помощью семей), чтобы собрать информацию об условиях жизни заключенных и сделать ее публичной. Начиная с мая месяца выходят анонимные брошюры с собранными свидетельствами. Об истории ГИТ можно узнать из справочного издания: *Le Groupe d'Information sur les Prisons: archives d'une lutte, 1970–72*, Paris, IMEC, 2003.

именно это дало ему возможность создать группу совершенно нового типа. И эта группа позволила ему быть практически на равных с другими группами. Он никогда не позволил бы обманывать себя, но это дало ему возможность сохранять независимость по отношению к другим группам, таким как Пролетарская левая. Были постоянные собрания, обмен мнениями, но он всегда строго поддерживал полную независимость ГИТ. На мой взгляд, Фуко был единственным, кто не переживал прошлое, а изобрел что-то новое во всех смыслах. Все это было очень четко, как всегда у Фуко. ГИТ был его образом и подобием, это изобретение Фуко — Дефера. Это тот случай, когда их сотрудничество было очень близким и совершенно фантастическим. Во Франции это был первый случай, когда была создана подобная группа, которая не имела ничего общего с партией (в то время были весьма пугающие партии вроде Пролетарской левой), ни с каким-то начинанием (например, начинания, направленные на обновление психоанализа).

Речь шла о том, чтобы создать Группу информации по тюрьмам. Понятно, что это была не просто информация. Это было что-то вроде мысли-эксперимента. В определенном смысле Фуко всегда рассматривал мысль в качестве эксперимента. Это у него от Ницше. Речь шла не о том, чтобы экспериментировать с тюрьмой, а о понимании тюрьмы как места в котором заключенные переживали некоторый опыт, а интеллектуалы в понимании Фуко должны были его осмыслить. ГИТ была прекрасна почти так же, как книга

Фуко. Я следовал за ней совершенно искренне, потому что она меня завораживала. Когда они только начинали вдвоем, они двигались во тьме. Что нужно делать? Я думаю, что началось это примерно так: Дефер стал распространять листовки в очередях, в которых стояли члены семей, ожидая свидания. Распространяющих было довольно много, иногда среди них был Фуко. Их быстро вычислили как «агитаторов». Хотя они совершенно не собирались создавать никакой агитации, а всего лишь составить анкету, на вопросы которой могли бы ответить заключенные и члены их семей. Я припоминаю, что в самых первых анкетах были вопросы о питании и медицинской помощи. Ответы должны были обнадежить, увлечь Фуко, но вместе с тем они его удивили. В них было что-то пострашнее, а именно постоянные унижения. И тут Фуко наблюдающий уступал место Фуко рассуждающему.

Я полагаю, что ГИТ было пространством эксперимента вплоть до «Надзирать и Наказывать». Что он почувствовал сразу, так это огромную разницу между теоретическим и юридическим статусом тюрьмы как места лишения свободы и ее практикой. Это совсем не одно и то же, так как она не ограничивается лишением определенного человека свободы, а добавляет к этому систематическое унижение, систему, с помощью которой ломают людей, что не имеет отношения к лишению свободы. Мы обнаружили то, что и так всем было известно: есть совершенно неподконтрольное правосудие, которое осуществляется в тюрьме, потому что там была тюрьма в тюрьме, тюрьма за

тюрьмой, которую называли карцером. Еще не существовало ЗПБ*. Заключение мог быть приговорен к наказанию, не имея ни малейшей возможности защищаться. Мы узнали массу разных вещей. ГИТ работала с семьями заключенных и с бывшими заключенными. Как в любом удачном начинании, у нас было много смешных моментов, особенно первые контакты с бывшими заключенными, когда каждый хотел казаться более матерым, чем другие. Но следующий утверждал, что он бывал и не в таких передрягах.

Н.Р.: Какое отношение это имело к политике?

Ж.Д.: У Фуко была очень важная для меня политическая интуиция. Я называю политической интуицией ощущение, что нечто вскоре произойдет, и оно произойдет именно здесь, а не в другом месте. Политическая интуиция вообще встречается довольно редко. Фуко почувствовал, что в тюрьмах начинается какое-то движение, возникают определенные проблемы. Он не пытался воспользоваться этим или как-то ускорить этот процесс. Он кое-что увидел. Для него мысль была экспериментальным процессом, который продолжается до самой смерти. В каком-то смысле он был провидцем. То, что он увидел, было для него совершенно невыносимо. Это был потрясающий провидец: в том, как он смотрел на людей и на все остальное, в их комических или отвратительных проявлениях. У него был дар видения, напрямую свя-

* Зоны повышенной безопасности — ЗПБ (*Quartiers Haute Sécurité [QHS]*) предназначались для изоляции заключенного в камере в особо тяжелых условиях.

занный с его писательским талантом. Когда мы видим что-то и видим это насквозь, то видеть это становится невыносимо. Это не его слова и не его рассуждения, но это его анализ. В конечном счете мыслить для него означало реагировать на нечто невыносимое, которое нам довелось пережить. Это не было чем-то незримым. И это было частью его гения. Оно дополняло его в ином плане. Мысль как эксперимент, но также мысль как видение, как осмысление невыносимого.

Н.Р.: Что-то из области этики?

Ж.Д.: Я думаю, что это и было его этикой. Эта невыносимость не была этическим вопросом. Его этика состояла в том, чтобы увидеть и понять нечто как невыносимое. Не во имя нравственности. Он так мыслил. Если мысль не доходила до чего-то невыносимого, то и думать об этом не стоило. Мыслить всегда означает мыслить на пределе чего-то.

Н.Р.: Люди говорили, что это невыносимо, потому что это несправедливо.

Ж.Д.: Фуко так не говорил. Если это было невыносимо, то не потому, что это было несправедливо, а потому, что никто этого не видел, это было неосяземо. Однако все об этом знали. Это не было секретом. Эта тюрьма в тюрьме, все о ней знали, но никто ее не видел. Он же видел ее. Он так жил. Что не мешало ему обращать эту невыносимость в шутку. Повторюсь, мы много смеялись. Но это не было возмущением. Мы не возмущались. Было два момента: увидеть нечто невидимое и мыслить нечто практически на пределе.

Н.Р.: Как вы вошли в ГИТ?

Ж.Д.: Я был почти уверен с самого начала, что он был прав и что ему удалось создать единственную группу нового типа. Это было что-то новое, так это она была четко локализована. И как и со всем, что делал Фуко, чем сильнее она была локализована, тем больше было ее влияние. Фуко знал, как не упустить подобную возможность. Попадались совершенно неожиданные люди, которые не имели ничего общего с тюрьмой. Я думаю, например, о вдове Поля Элюара, которая действительно помогла нам в определенный момент, без всякой особой причины. Некоторые люди присутствовали постоянно, как Клод Мориак, который был очень близок с Фуко. Когда мы во время дела Джексона проводили параллели с ситуацией с тюрьмами в Америке, появился Жене*. Он был восхитителен. Повсюду царил оживление. Начиналось движение внутри тюрем. Вспыхивали бунты. Снаружи это захватило всех: тюремных психиатров, тюремных врачей, семьи заключенных. Нужно было делать брошюры. Бесконечно возникали проблемы, которыми занимались Фуко и Дефер. Идеи возникали именно у них. Мы просто следовали за ними. Но следовали с энтузиазмом. Я вспоминаю сумасшедший день, типичный для ГИТ, когда приятные и трагические моменты следовали друг за другом. Полагаю, мы должны были отправить-

* Джордж Джексон был черным американским активистом, содержавшимся в тюрьме Сан-Квентин, затем в Соледад, где он был убит в августе 1971 года. Делёз вместе с другими членами ГИТ принимал активное участие в работе над специальным выпуском «Убийство Джорджа Джексона» (*L'assassinat de George Jackson*, Paris, Gallimard, coll. Intolérable, 1971).

ся в Нанси. Мы были заняты с утра до вечера. С утра все начиналось с делегации в префектуру, потом мы должны были отправиться в тюрьму, а после этого дать пресс-конференцию. Что-то происходило в тюрьме, а в конце дня была манифестация. Уже в начале дня я говорил себе, что не выдержу. У меня никогда не было ни энергии Фуко, ни его силы. Фуко обладал невероятной жизненной силой.

Н.Р.: Как произошел роспуск ГИТ?

Ж.Д.: Фуко сделал то, о чем другие лишь мечтали: через какое-то время он распустил ГИТ. Я помню, что Фуко часто встречался с семьей Ливрозе. Ливрозе был бывшим заключенным. Он был автором книги, к которой Фуко написал замечательное предисловие*. Мадам Ливрозе тоже была очень активной. Когда ГИТ самораспустилась, то они продолжили ее дело, создав КДЗ — «Комитет действий заключенных» («*Comité d'Action des Prisonniers*»), который должны были возглавить бывшие заключенные. Я думаю, Фуко сделал вывод о том, что проиграл, он не понял, в чем он одержал победу. В определенном смысле он всегда был очень скромен. Он думал, что проиграл, так как все снова закрылось. У него создалось впечатление, что все это было бесполезно. Фуко говорил, что это было похуже угнетения: кто-то говорил, но все остается так же, как если бы он не сказал ничего. Три или четыре года спустя все вернулось на круги своя.

* См.: Livrozet S., *De la prison à la révolte*. Paris, Mercure de France, 1973, p. 7–14.

Но при этом ему должно было быть известно, что все это принесло огромную пользу. ГИТ удалось довольно много, сложилось движение заключенных. Фуко имел право думать, что нечто изменилось, даже если эти изменения не были фундаментальными. Скажу просто: целью ГИТ было дать заключенным и их семьям возможность говорить самим за себя. Раньше это было не так. Когда выходила какая-нибудь передача о тюрьмах, то вы видели различных представителей, которые так или иначе имели дело с тюрьмой: судей, адвокатов, охранников, посетительниц тюрем, филантропов, да кого угодно, но только не заключенных, даже бывших, как на конференции о детских садах, где будет присутствовать кто угодно, кроме детей, хотя им определенно есть что сказать. Целью ГИТ было не столько заставить их высказаться, сколько определить некое место, где их обязаны были бы выслушать, где не просто призывали бы устроить бунт на тюремной крыше, но сделать так, чтобы к тому, что им было сказать, прислушались. Они могли сказать именно то, что понял Фуко, а именно: мы лишены свободы, это одно, а то, через что нам пришлось пройти, это совсем другое. Нас обманывают. Это знают все, но никак этому не препятствуют.

Н.Р.: Разве одной из функций интеллектуала, по Фуко, не было создание пространства, где другие могли бы говорить?

Ж.Д.: Для Франции это было нечто действительно новое. В этом принципиальное различие Сартр/Фуко. У Фуко было представление о том, как ин-

интеллектуал должен жить со своей политической позицией, которая сильно отличалась от идей Сартра, причем не только в плане теории. У Сартра, при всей его мощи и гении, было классическое представление об интеллектуале. Он выступал от имени высших ценностей: Блага, Справедливости, Истины. Я вижу общую линию, проходящую через Вольтера, Золя и Сартра, которая Сартром и заканчивается. Это интеллектуал, который выступает от имени ценностей истины и справедливости. Фуко был куда более функционален, он всегда был функционалистом. Просто он избрал свой собственный функционализм. И этот функционализм состоял в том, чтобы видеть и говорить. Что здесь можно увидеть? О чем здесь можно говорить и думать? Он не был интеллектуалом, выступающим гарантом определенных ценностей.

Я знаю, что позднее он выступал с позиции своих представлений об истине, но это уже совсем другое. «Информация» была в конечном счете неудачным термином. Речь шла не о том, чтобы открыть истину о тюрьме, а о том, чтобы произвести некоторые высказывания о тюрьме, как только стало понятно, что ни заключенные, ни те, кто находится вне тюрьмы, производить их не умеют. Если была связь между его действиями и его философскими работами, то именно потому, что он так жил. Что было необычного во фразах Фуко, когда он говорил? Я никогда не слышал, чтобы хоть один человек на всем белом свете говорил, как он. Все, что он говорил было решающим, но не в смысле авторитарности. Когда он просто входил в комнату,

уже что-то решалось, менялась атмосфера. А когда он говорил, его слова были решающими. Фуко считал высказывание чем-то совершенно особенным. Не любая речь и не любая фраза производит высказывание. Тут нужны два измерения, видеть и говорить. Если обобщить, то это были слова и вещи. Слова — это производство высказываний; вещи означают видимость, это видимые образования. Суть в том, чтобы увидеть нечто неосязаемое в том, что мы видим.

Н.Р.: Произвести высказывание означает дать кому-то слово?

Ж.Д.: Отчасти, но не только. Мы говорили, как и все, что в этом и была основная идея: нужно дать слово другим, но проблема была не в этом. Приведу политический пример. Для меня принципиальная важность Ленина, помимо всего прочего, состояла в том, что он создал, до и после русской Революции, разновидность высказываний, которые словно подписаны, это ленинские высказывания. Можно ли говорить о новой разновидности высказываний, возникающих в определенном месте при определенных обстоятельствах, которые можно было бы назвать ленинскими? Это новый способ высказываться. Суть не в том, чтобы искать правду на манер Сартра, а создавать новые условия высказывания. 68-й год произвел новые высказывания. Появилась новая разновидность высказываний, которые до сих пор никто не использовал. Новые высказывания могут быть совершенно возмутительными, самой настоящей чертовщиной, против которой мы все вынуждены будем бороться.

Гитлер был выдающимся производителем новых высказываний.

Н.Р.: Вы считали, что в тот момент этого было достаточно с политической точки зрения?

Ж.Д.: Достаточно ли было этого, чтобы нас занять? Вполне. Наши дни были крайне насыщены. Фуко привносил что-то вроде практики, у которой было два принципиально новых аспекта. Как этого могло быть недостаточно? Вы задали ужасный вопрос в каком-то смысле. Фуко сказал бы: этого не было достаточно, потому что мы потерпели неудачу. Это не изменило статус тюрем. Я же дам противоположный ответ: этого было более чем достаточно. Это имело огромный резонанс. Основным резонансом стало движение в тюрьмах. Но это движение в тюрьмах вдохновили не Фуко с Дефером. ГИТ подняло вокруг него немало шума, потому что мы тоже писали статьи, тратили свое время на то, чтобы доставать людей из министерства юстиции, министерства внутренних дел. Теперь существует разновидность высказываний о тюрьме, которая принадлежит самим заключенным или тем, кто не находится в заключении, которые раньше нельзя было даже представить. В этом смысле это был успех.

Н.Р.: По сравнению с Фуко, ваша картина социального мира выглядит более текучей. Я думаю о «Тысяче плато». У Фуко же можно найти много архитектурных метафор. Согласны ли вы с подобным описанием?

Ж.Д.: Совершенно согласен. К сожалению, в последние годы его жизни я его не видел, о чем разуме-

ется сейчас очень сожалею, потому что он был одним из людей, которых я любил и которыми я восхищался. Я вспоминаю, как мы говорили, когда он опубликовал «Волю к знанию». У нас были разные представления об обществе. Для меня общество — это то, что дает течь повсюду. Когда вы говорите о моей текучести, то да, вы совершенно правы. Общество дает течь финансово и идеологически. Оно действительно допускает утечки. А если действительно проблема общества заключается в том, как не допустить того, чтобы все вытекло? Для меня власть появляется после. Фуко, скорее, удивляло следующее: со всей этой властью, с ее уловками, ее лицемерием, мы тем не менее можем сопротивляться. Меня же удивляет совсем другое. Утечки повсюду, но правительствам удается все закупорить. Мы рассматриваем одну проблему с противоположных точек зрения. Вы правы, общество — это флюид, хуже того, это газ. Для Фуко же это архитектура.

Н.Р.: Вы говорили с ним об этом?

Ж.Д.: Я припоминаю, что в момент публикации «Воли к знанию», который стал, как я полагаю, точкой отсчета определенного кризиса идей, он задавал себе много вопросов. Он, скорее, пребывал в меланхолии и в это время мы довольно долго говорили о подобном видении общества.

Н.Р.: К каким выводам вы пришли? Вы отделились друг от друга...

Ж.Д.: Я всегда испытывал по отношению к Фуко безграничное восхищение и привязанность. Я не про-

сто восхищался им, он еще и смешил меня. Он был очень забавен. У нас с ним была всего одна общая черта: я либо работаю, либо говорю о пустяках. Есть совсем немного людей, с которыми можно говорить о пустяках. Провести с кем-то пару часов, не сказав ничего, это ли не вершина дружбы! Только с самыми близкими друзьями можно говорить о пустяках. С Фуко же это всегда были фразы о том о сем. Однажды он сказал мне: я очень люблю Пеги, потому что он безумец. Я спросил: почему вы считаете, что Пеги был безумцем? Он ответил: достаточно посмотреть, как он писал. И это тоже интересный момент в отношении Фуко. Это значит, что всякий, кто сумел изобрести новый стиль, произвести новые высказывания, — безумец. Мы работали по отдельности, каждый над чем-то своим. Но я уверен, что он читал то, что я делаю, я же всегда с огромным интересом читал то, что делал он, но мы не особо говорили об этом. У меня есть ощущение, и это меня совершенно не печалит, что в конечном счете я в нем нуждался, а он во мне — нет. Фуко был загадочным, крайне загадочным человеком.

Запутанный вопрос*

Libération: Удивляет ли вас накал дискуссии о ношении чадры в школьных учреждениях?

Жиль Делёз: В вопросе о платке, этой школьной войне по вопросу о покрытой или непокрытой голове маленьких девочек, есть один весьма комический аспект. Начиная со Свифта и конфликта тех, кто хотел разбивать яйца с тупой стороны и их противниками, представить себе подобный повод к войне довольно сложно. Как обычно, спонтанное желание девочек, скорее всего, усиливается давлением со стороны их анти-секулярно настроенных родителей. Мы не уверены, что это идет именно от девочек. А вот это уже не так забавно.

Л.: Помимо анекдотичности, считаете ли вы, что у этого дела могут быть последствия, что оно имеет отношение к серьезным дискуссиям во французском обществе?

Ж.Д.: Необходимо понять, как далеко простираются пожелания и требования исламских организаций. Не придут ли они на следующем этапе к требованию права на мусульманскую молитву даже во время занятий? А затем, на третьем, к тому, что помимо прочего начнут обсуждать программу по литературе и в каком-нибудь тексте Расина или Вольтера обнаружат оскорбление достоинства мусульман? Одним

* «L'Engrenage». Оригинальное название «Жиль Делёз опасается, что вопрос слишком запутан» (Gilles Deleuze craint l'engrenage, *Libération*, 26 octobre 1989).

словом, важно понять, как далеко мусульманские ассоциации готовы пойти, принимают ли они светскую школу. Чтобы выяснить это, необходимо их спросить, они также должны принять на себя определенные обязательства. Стоит ли напоминать о существовании секулярного движения среди самих арабов? Не стоит думать, что у арабов или французов арабского происхождения для определения своей идентичности есть только религия. Ценность религий неизмеримо ниже благородства и смелости тех разновидностей атеизма, которые они вдохновляют.

Л.: Вы, похоже, рассматриваете этот вопрос в контексте наступления религии на гражданское общество?

Ж.Д.: Существует ли продуманный план, в соответствии с которым ношение платка будет только первым этапом? А потом нам объяснят, что светская школа не может соблюдать права мусульман, поэтому должны появиться медресе, которые финансирует государство, ведь оно уже финансирует христианские школы. Поскольку я отношусь к числу тех, кто считает недопустимым государственную поддержку религиозных христианских школ и те отговорки, с помощью которых ее оправдывают, то я не испытываю неудобства, протестуя против возможного финансирования медресе. Сегодня нельзя исключать союз различных религий, готовых поставить под сомнение еще очень хрупкую секулярность. Если, конечно, это не обычный вопрос о ношении платка.

Подлая война*

Это подлая война. Неужели сами американцы верили в то, что устроенная ими война окажется быстрой и они смогут наносить точные удары и избежать невинных жертв? Или же они использовали ООН как ширму только для того, чтобы заставить всех смириться и мобилизовать общественное мнение ради войны на уничтожение? Под предлогом освобождения Кувейта, а затем разгрома режима Саддама Хусейна и его армии уничтожается целая нация. Под предлогом ударов по стратегическим объектам, гражданское население гибнет под массированными бомбардировками, коммуникации, мосты, дороги разрушаются далеко за линией фронта, бесценное историческое наследие оказывается под угрозой уничтожения. Сегодня отдающий приказы Пентагон служит орудием государственного терроризма, проводя испытания нового оружия. Вакуумная бомба воспламеняет воздух и приводит к тому, что тела людей обугливаются в их убежищах: это самое настоящее химическое оружие.

Наше правительство постоянно отказывается от своих собственных заявлений и все больше вовлечено в войну, которой оно вполне могло воспротивиться. Буш хвалит нас, как хвалят слуг.

* «La guerre immonde». Интервью с Рене Шере (René Scherer), *Libération*, 4 mars, 1991, p. 11. Речь идет о войне в Персидском заливе, развязанной США против Ирака 16 января 1991 года (перевод выполнен по DRF, p. 351–352).

Наша конечная цель состоит в том, чтобы получить право участвовать в мирной конференции... Многие журналисты считают себя американскими солдатами и наперегонки выступают с восторженными и циничными заявлениями, которых никто от них не требует. Находится немало людей, которые не желают, чтобы их оставили без войны, и рассматривают надежду на мир как катастрофу. Молчание большинства интеллектуалов вызывает еще больше беспокойства. Они действительно считают, что эта война во имя ООН является легитимной? Они верят в отождествление Саддама Хусейна с Гитлером? Во внезапно обретенную невинность Израиля, который, в свою очередь, внезапно обнаруживает преимущества ООН, приравнивая мирную конференцию, которая учитывала бы интересы палестинцев, к ужасам нацистского «окончательного решения»? Если эта война не будет остановлена, хотя Франция на удивление равнодушно относится к подобным попыткам, то намечается не просто закабаление Ближнего Востока, а риск американской гегемонии, у которой больше не будет противовеса, что будет вполне в духе логики отхода от социализма и тяжким грузом ляжет на нашу политическую систему.

Мы изобрели ритуурнель *

— Вы даете достаточно агрессивное определение философии. Вы не боитесь, что вас упрекнут в том, что вы хотите таким образом сохранить или восстановить те привилегии, которыми наделяла ее традиция?

— Философии можно дать массу безобидных определений: познавать себя, удивляться, рассуждать, направлять мысль в нужном направлении... Они безобидны в силу своей расплывчатости: они не определяют какое-то конкретное занятие. Мы определяем философию через создание концептов. Наша задача состоит в том, чтобы показать, что наука использует не концепты, а функции. Философия от этого не получает никаких привилегий: концепт ни в чем не превосходит функцию.

— Я задаю вам этот вопрос, потому что вы противопоставляете философию искусству и точным наукам, но не гуманитарным. В вашей книге практически не затрагивается история, к примеру.

— Мы много говорим об истории. Только вот будущее отличается от истории. Между ними существует целая система корреляций и отсылок: но становление рождается в истории и в итоге к ней возвращается, но оно ей не тождественно. Именно становление, а не вечность противопоставляется истории. История обеспечивает некие функции, благодаря которым осущест-

* «Nous avons inventé la Ritournelle». Совместно с Феликсом Гваттари. Интервью, собранные Дидье Эрибоном в *Nouvel Observateur* по случаю выхода книги «Что такое философия?» (перевод выполнен по *DRF*, p. 353–356).

вляется событие, но событие само по себе превосходит свое осуществление, это становление в качестве субстанции концепта. Событие всегда имело отношение к философии.

— Разрабатывая ваше определение философии как производства концептов, вы особенно критикуете идею о том, что философия будет или должна стать «коммуникацией». Создается впечатление, что одним из главных объектов вашей критики являются последние книги Юргена Хабермаса о «коммуникативном действии».

— Нет, мы не критикуем специально Хабермаса или кого-то еще. Хабермас был не единственным, кто хотел бы свести философию к коммуникации. Чему-то вроде коммуникативной нравственности. Философия вначале воспринималась как созерцание, что подарило нам замечательные произведения, например Плотина. Или как рефлексия в случае Канта. Но и в том и в другом случае сначала необходимо было создать концепт созерцания или рефлексии. Мы не уверены, что был создан удачный концепт коммуникации, то есть по-настоящему критический концепт. Ни «консенсуса», ни «правил демократического обсуждения» в духе Рорти недостаточно, чтобы создать концепт.

— В противоположность этой идее коммуникации, философии как «диалога» вы предлагаете «образ мысли», вводя его в куда более общий контекст. Того, что вы называете «гео-философией». Эта глава находится в центре вашей книги. Это одновременно политическая философия и практически философия природы.

— Существует достаточно причин, почему философия родилась в греческих полисах и продолжается в западных капиталистических обществах. Но это контингентные причины, принцип разума — это принцип контингентного разума, он не является обязательным. Потому что эти образования являются очагами имманентности и воспринимают сами себя как общества «друзей» (соревнование, соперничество), что ведет к тому, что они поощряют мнение. Эти три фундаментальные черты определяют исключительно исторические условия философии; философия как становление связана с ними, но не сводится к ним, у нее иная природа. Она не перестает ставить под вопрос свои собственные условия. Эти гео-философские вопросы имеют большое значение потому, что мысль осуществляется не в категориях субъекта и объекта, а в изменяющихся отношениях с территорией и с землей.

— В своей «гео-философии» вы взываете к «революционному» философу и необходимости «революций». Вы, по сути, предлагаете политический манифест. И в современном контексте это может показаться парадоксальным.

— Текущая ситуация весьма запутанна. Существует тенденция принимать видоизменение капитализма за обретение свобод. Сомнительно, чтобы благ капитализма было достаточно для освобождения народов. Восторженно говорят о кровавом провале социализма. Но не похоже, чтобы провалом считалось состояние мирового капиталистического рынка, с обогранным кровью неравенством, поддерживающим его

существование, с населением, помещенным вне рынка и т. д. Американская «революция» потерпела крах довольно давно, намного раньше советской. Революционные ситуации и попытки совершить революцию порождаются капитализмом и, увы, едва ли они прекратятся. Философия связана с революционным становлением, которое не совпадает с историей революций.

— Я был поражен одним моментом в вашей книге: вы утверждаете, что философ не дискутирует. Его творческая активность возможна только в изоляции. Это решительный разрыв со всеми традиционными представлениями. Считаете ли вы, что он не должен дискутировать даже со своими читателями или друзьями?

— Понять, кто и что говорит, уже достаточно не просто. Дискутировать — значит упражняться в нарциссизме, когда каждый оказывает ответную любезность, поэтому все быстро забывают, о чем шла речь. Что еще сложнее, так это определить проблему, которой соответствует то или иное высказывание. Потому что если нам понятна поставленная кем-то проблема, у нас может отсутствовать всякое желание с ним дискутировать: или мы ставим ту же самую проблему, или же предпочитаем идти своим путем. Как возможна дискуссия, если у наших проблем нет общего основания, и к чему дискутировать, если оно у нас есть? Мы всегда получаем те решения, которые заслуживаем, исходя из поставленных нами проблем. Дискуссии означают массу потерянного времени в обсуждении неопределенных проблем. Беседы — это другое дело. Беседовать как раз необходимо. Но даже самая непродолжительная беседа — это в выс-

шей степени шизофреническое упражнение, которому придаются индивиды, разделяющие общие основания и вкус к эллипсам и перспективным сокращениям. Беседа — это отдых, который прерывается длительным молчанием, она может давать идеи. Но дискуссия ни в коем случае не является частью философской работы. Что может быть ужаснее фразы: «мы немного подискутируем».

— На ваш взгляд, какие концепты были созданы философами в XX веке?

— Когда Бергсон говорит о «длительности», то он употребляет этот необычный термин, так как не хочет, чтобы его путали со становлением. Он создает новый концепт. То же самое с памятью, которая определяется как сосуществование слоев прошлого. Или с жизненным порывом как концептом дифференциации. Хайдеггер создает новый концепт Бытия, состоящий из двух составных частей — сокрытия и разоблачения. Концепту зачастую требуется какое-нибудь странное слово, с самой безумной этимологией, а иногда самое обыденное, но которое может отзываться далеким эхом. Когда Деррида пишет «различание» (*différance*) через *a*, то именно для того, чтобы предложить новый концепт различения. В «Археологии знания» Фуко создает концепт высказывания, который не сводится к фразе, пропозиции, речевому акту и т. п. Главная характеристика концепта состоит в том, что он осуществляет небывалое расчленение вещей.

— А вы, какой концепт, на ваш взгляд, вы создали?

— Ритуфель, например. Мы создали концепт ритуфель в философии.

Жиль Делёз

Мая 68-го не было

Издатели:

Александр Иванов

Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Лайма Андерсон

Корректор:

Ольга Черкасова

Оформление:

ABCdesign

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки

книг издательства Ad Marginem

обращайтесь по телефону: +7 (499) 763 3595

или пишите на: sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»

Резидент ЦТИ ФАБРИКА

105082, Москва,

Переведеновский пер., д. 18

тел./факс: +7 (499) 763 3595

info@admarginem.ru

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»,

г. Тверь, www.pareto-print.ru

“ В 68-м хватало суеты, жестов, слов, всевозможных глупостей, иллюзий, но важно не это. Важен сам феномен ясновидения, как если бы общество вдруг узрело, что в нем есть что-то невыносимое и возможность чего-то иного. Это был коллективный феномен из разряда «Дайте мне возможного или я задохнусь». Возможное не существует заранее, его создает событие. Это насущный вопрос. Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...),”

GARAGE

AdMarginem

www.garagemca.org

www.admarginem.ru